
Евгения Стасина
Прямой эфир

Евгения Стасина

Прямой эфир

«Литнет»
2018

Стасина Е.

Прямой эфир / Е. Стасина — «Литнет», 2018

Он мое наваждение. Моя первая любовь и первое разочарование. Я его тень, навязчивая поклонница, готовая на все ради одного взгляда. Когда достигаешь желаемого, главное суметь удержать в руках долгожданный подарок судьбы, жаль поняла я это слишком поздно... Так что, когда моя семейная жизнь рассыпается в мелкую крошку, единственное, что мне остается — говорить. Долго и откровенно. В прямом эфире.За обложку БОЛЬШОЕ спасибо

© Стасина Е., 2018
© Литнет, 2018

Содержание

Пролог 5
Глава 1 10
Глава 2 16
Глава 3 20
Глава 4 25
Главы 5 31
Глава 6 38
Глава 7 44
Глава 8 50
Конец ознакомительного фрагмента. 55

Пролог

Пролог

Меня нещадно трясет. Над верхней губой проступают капельки пота, а сердце бьется о грудную клетку раненой птицей, грозясь в любую минуту сбиться с ритма и, сделав последний удар, разорваться на части... Десятки, а то и сотни пар глаз устроившихся напротив зрителей изучают мой бежевый костюм, не оставляя без внимания и носки туфель, на поиск которых я убила не один час, желая завершить свой сдержанный образ парой молочных лодочек на небольшом каблучке. Волосы больше не спадают мне на лицо, уложенные дотошной гримершей в простой пучок на затылке, и мне нестерпимо хочется выпустить на волю локон, чтобы, наматывая его на палец, хоть чем-то занять подрагивающие пальцы.

С детства не люблю внимания. Наверно, поэтому всегда предпочитала шумным компаниям чтение книг в тишине своей спальни родительской квартиры. Пропустила школьный выпускной, сбежав с актового зала сразу, как только грозная директриса вручила мне долгожданный аттестат, в то время, как воодушевленные одноклассники до глубокой ночи отплясывали в арендованном по случаю торжества ресторане...

- Постарайтесь расслабиться, - девушка-редактор, присев на корточки перед креслом, в которое меня усадили пару минут назад, участливо пожимает мою ладонь, озаряя свое не тронутое макияжем лицо вполне приветливой улыбкой. - Прямой эфир, конечно, пугает, зато не придется сидеть здесь часами, десятки раз перезаписывая дубли. Хотите воды? Попрошу ребят накапать вам валерьянки.

- Нет, спасибо, - качнув головой, вытираю испарину на лбу, позабыв о наложенном гриме, и борюсь с желанием вскочить и убежать подальше от направленных на меня камер.

Мечтаю скрыться в пропитанных одиночеством стенах своей комнатушки, но, словно гвоздями прибитая к велюровой обивке, продолжаю ждать заветной команды.

- Ребята, две минуты! - слышу чей-то голос и лишь диву даюсь с какой прытью команда главного канала страны заканчивает свои приготовления: ведущий спокойно поправляет узел галстука, внимательно вчитываясь в свой планшет, девушка-редактор уже скрывается за массивными декорациями, операторы занимают места у камер, а зрительный зал прекращает свою болтовню, поселяя на лицах каменные маски.

Сейчас я умру: от страха, от стыда, от потревоженных душевных ран - неважно, но совершенно точно паду без чувств, подняв рейтинги и без того известного ток-шоу до немыслимых высот. И зачем я пришла?

- Десять секунд! - вздрагиваю и вытягиваюсь по струнке, призывая на помощь все свои силы, еще оставшиеся в моем теле, для финального рывка. Все или нечего. Последний шанс и последняя надежда на победу в затянувшемся противостоянии с мужем.

Закрываю глаза, вспоминая безжалостное лицо своего мучителя, и на долю секунды ликую, представив, как он сжимает свои кулаки, наблюдая за мной с экрана своего ноутбука. Ведь он наверняка в машине... Сколько сейчас? Семь? Едет по вечерней Москве на заднем сидении своего автомобиля и кипит праведным гневом, в сотый раз убеждаясь, что его жена - законченная идиотка.

- Здравствуйте, - хорошо поставленный голос Филиппа Смирнова, вырывает меня из фантазий и, позабыв о смущении, я с интересом слежу за журналистом, уже приступившим к работе. - Жена крупного бизнесмена оказалась на улице, спустя три года счастливого брака. Оставшись без средств к существованию она вынуждена ютиться в коммуналке, в то время, как ее законный супруг проводит отпуск с молодой любовницей на лучших курортах мира. Лиза, - обращается уже ко мне, устраиваясь на соседнем кресле. - Могу я вас так называть?

Я лишь киваю, ощущая, как жар обжигает щеки и спускается вниз, пропадая под вырезом моей шелковой блузки. Нелепая, совершенно неготовая к тому, что сама и заварила, беспросветная дура! С чего решила, что смогу это вынести?

- Почему ваш брак с Игорем Громовым потерпел фиаско? - без лишней мишуры, Филипп переходит к делу, а я все так же молчу, неспособная вымолвить и словечка. Язык словно распух и отказывается подчиняться, а в горле такая засуха, что я с удовольствием осушила бы пятилитровую баклажку...

- Ведь мы все еще помним, сколько шума наделала ваша свадьба. Лучший ресторан, звезды эстрады, вы, такие счастливые и влюбленные, - салютуя рукой с зажатым в пальцах планшетом в огромный монитор, где сейчас демонстрируют наши с Игорем свадебные снимки, ведущий всячески пытается меня разговорить.

Почему? Потому что мой муж самодур, законченный эгоист и мерзавец, не брезгующий ничем, в своей попытке меня наказать.

- Не сошлись характерами, - еле слышно выдаю вместо этого и прочищаю горло, выдерживая взгляд мужчины, видимо, нацелившегося вывернуть меня изнанку. - Не знаю, так бывает...

- Ну, хорошо, - он устраивается поудобнее, забрасывая ногу на ногу. - Для вас стало ударом известие о его связи с Татьяной Петровой, о котором три месяца назад протрубили все таблоиды?

Ударом? Боже, это мой личный апокалипсис! Гигантский торнадо, оставивший после себя руины...

- Да, - не желая смотреть на фото парочки за своей спиной, устремляю взгляд в пол и, отругав себя за несговорчивость, делаю глубокий вдох. Я должна заставить людей мне сопереживать, иначе все это не имеет смысла...

- На тот момент мы уже две недели не жили вместе. Таня поддерживала меня, уверяя, что все образуется, и мы с Игорем сумеем все исправить, спасти свой брак...

- Вы дружили?

- Да. Она моя университетская подруга, и в свое время именно я уговорила мужа вложить деньги в ее раскрутку. Таня прекрасно поет, и купаться в софитах ее детская мечта.

- А замечали ли вы симпатию между ними. Ведь не бывает же так, что, спустя стольких лет знакомства, мужчина внезапно влюбляется в симпатичную подругу жены, с которой только на днях расстался?

- Нет, - признаюсь, наблюдая, как Смирнов кивает, после каждого моего слова. Его попытка показать, что он внимательно слушает мои откровения? Кто бы сомневался, ведь за интервью со мной любой бы продал душу дьяволу.

- Сейчас понимаю, что меня неплохо водили за нос, и от этого в десятки раз больнее.

- Вы любили его?

Глупый вопрос, ведь мы прожили вместе не один год. Это как дышать, или принимать душ - естественно и по-другому просто невозможно!

- Конечно, - стараюсь быть откровенной, хоть и чувствую себя неловко. - Иначе для чего мне выходить за него?

- Давайте посмотрим, что говорит сама Татьяна о вашем разрыве с успешным бизнесменом. Взгляните на экран, - теперь развернувшись вполоборота, ведущий подпирает подбородок пальцами.

Так странно. Сотни раз видела по телевизору, как брошенная олигархом жена промакивает салфеткой глаза, делясь своей личной трагедией с миллионом россиян, а теперь и сама сижу в этом кресле, наблюдая за пышногрудой блондинкой, удерживающей в руках с десяток цветочных букетов. После концерта? Или Игорь решил удивить мою подружку невиданной щедростью?

Сейчас смотрю на нее отрешенно, словно никогда раньше не плакалась ей в жилетку, не выслушивала ее жалобы, не хохотала с ней до утра, обсуждая очередную нелепость, произошедшую в институте. Словно не любила ее всей душой, считая едва ли не сестрой, лишь ей доверяя все свои тайны.

Красивая, статная, похудевшая за те два года, что купается в популярности, знающая себе цену и уверенно держащаяся перед камерами. Уж Танька точно не потеет, когда дает интервью, в то время как я боюсь, что скоро и пиджак покроется мокрыми пятнами...

- Это правда, что решение уйти от Игоря приняли вы, в то время, как ваш супруг был против таких кардинальных мер? - выслушав Петрову, явно уставшую отвечать на вопрос о ее причастности к нашему с Громовым разрыву, Филипп вновь поворачивается ко мне.

- Не совсем, - не вижу смысла юлить, - но я действительно хотела этого развода. Не могу сказать, что Игорь обивал мои пороги, так что Таня явно лукавит, стараясь себя обелить.

- А что послужило причиной? Любая бы вам позавидовала - огромный дом, недвижимость заграницей, безбедная жизнь, двое детей. С чего вдруг вы принимаете решение отказаться от всего этого?

Мужчина встает, теперь перебираясь поближе к зрителям, и терпеливо ждет моего ответа, в то время, как я с трудом сдерживаю ком, подошедший к горлу. Слава предупреждал, что не все вопросы придутся мне по душе, но от одного упоминания о детях, я едва держусь, балансируя на грани с истерикой. Один неловкий шаг и я упаду в пропасть.

- Деньги не самое главное в жизни, - говорю, а самой хочется рассмеяться, вспоминая, как позволяла себе безумные траты - седьмая по счету шуба, страсть к украшениям, черная икра и коллекционные вина... А что теперь? Пятьсот рублей в кошельке и полное презрение к прошлой жизни, где за безбедные будни я расплачивалась душой. По крайней мере, как оказалось, мой муж считал именно так...

- Тогда что? Он вас бил? Унижал? Ведь не просто так, жена собирает один чемодан и уходит в коммуналку.

Краснею, чувствуя раздражение, буквально волнами исходящее от Филиппа, в то время как на лице у него не дрогнул ни один мускул. Я его злю. Молчу, не помогая своими скупыми ответами.

- Вы ведь сами к нам обратились, - беззастенчиво врет, прекрасно зная, как донимали меня его редакторы. - Понимали куда идете. К чему теперь отмалчиваться?

Ему нужно шоу, а я отбираю его хлеб... Идти, так до последнего, да? Послать к чертям свою гордость и заявить на всю страну, что за красивой картинкой скрывалась неприглядная суровая правда - в мире денег и вседозволенности любимый мужчина не брезгует переступить через тебя разок другой...

- Я не знала о его связи с моей подругой, но не питала иллюзий по поводу его верности.

- Значит, были другие? - уцепившись за сенсацию, в пух и прах разносящую образ святого и порядочного семьянина Игоря Громова, Филипп заметно оживает.

- Были, - соглашаюсь, все еще чувствуя, как боль разъедает душу. Это никогда не пройдет, сколько бы я ни убеждала себя, слезы всегда будут литься из глаз, едва я вспомню его в объятиях молоденькой секретарши. Словно в эту самую минуту я стою в дверях его кабинета, судорожно сжимая в руках свою сумку, в то время, как мой горячо любимый муж с жадностью осыпает поцелуями грудь своей помощницы. Смотрю и думаю лишь об одном, не поэтому ли он заказал себе новый стол: дубовый, массивный, такой, где его пылкая любовница без всяких проблем может уместить свое подкаченное стройное тело, не задевая при этом папки с бумагами и фоторамки с нашими семейными снимками?

- И как давно? Ни для кого не секрет, что в прессе не раз ваш брак выставлялся образцово-показательным...

- Достаточно, чтобы у меня хватило ума положить конец этому фарсу. Наверное, я не из тех, кто готов сохранять видимость нормальных отношений для окружающих, при этом разбивая на кухне посуду, едва мы остаемся наедине.

- Сейчас мы уйдем на рекламу, а сразу после нее узнаем, почему известный бизнесмен оставил свою жену без средств к существованию, и с кем сейчас находятся дети некогда счастливой пары. Оставайтесь с нами, - смотря в камеру, начитывает заученный текст Смирнов и, выждав пару секунд, начинает поправлять ворот своей рубашки.

Студия оживает. Вокруг ведущего начинает суетиться гримерша, полный мужчина лет сорока отдает команды, налаживая свет, а ко мне уже торопится редактор - все та же девушка, дававшая мне наставления десять минут назад. От былой приветливости не осталось и следа: губы недовольно поджаты, подбородок вздернут, шаг размашист, а рука поднята вверх. Она манит кого-то пальцем, указывая на меня и, хлопнув в ладоши, командует пошевеливаться. Жутко, скажу я вам. Впредь постараюсь держаться подальше от скандальных ток-шоу...

- Поправь ей лицо, - замерев напротив меня, девица словно сканирует мою голову, наверняка уже просверлив дыру своими синими глазищами в моей черепной коробке.

- Елизавета, это не запись. Зритель увидит лишь то, что вы сами ему покажите. Так что вырезать вашу скучающую физиономию и недовольные гримасы уже никто не сможет. Вас должны жалеть, с вами должны рыдать, а глядя на вас хочется крикнуть: «И правильно сделал, что изменил, она ведь деревянная!». Не обижайтесь, конечно, но не мешало бы и всплакнуть.

- По заказу? Я что в фильме снимаюсь? - почти не шевеля губами, по которым уверенно водит кисточкой визажист, возмущенно вперяю свой взор в командиршу.

- Ну, если вас не трогает, что муж выбросил вас на обочину, отобрав дом и детей, то да, по заказу. Иначе никто не захочет вам помогать, а вы, кажется, пришли за этим!

Грубо и хлестко. Ей бы не мешало познакомиться с моей свекровью, вот бы вышел тандем! От ее суровой отповеди, в чем-то правдивой и от этого еще более безжалостной, ком в горле достигает небывалых размеров. Теперь и вправду с трудом выговорю хоть слово...

- Работаем! - вновь разливается по павильону чей-то бас, и я, отмирая, усиленно моргаю, чтобы избавиться от слезной пелены. - Десять, девять...

- Итак, прежде чем уйти на рекламу, наша гостья призналась, что на протяжении длительного времени терпела измены со стороны своего влиятельного мужа - наследника миллионов - Игоря Громова. Скажите, Лиза, - вновь направляется ко мне, но теперь не садится, а лишь присаживается на подлокотник своего кресла, складывая руки на груди. - Ведь наверняка пять лет назад, когда ваш роман только начал завязываться, вы и представить не могли, что придете к такому финалу. Каким был Игорь в начале ваших отношений?

Каким? Невероятным...

- Обходительным, - отвечаю, невольно улыбнувшись.

- Наверное, красиво ухаживал, - подсказывает мне ведущий, а я уже не могу ничего с собой поделать, дрейфуя на волнах памяти. - Заваливал цветами и дорогими украшениями?

- Нет, - теперь улыбка выходит горькой, ведь вспоминать то время для меня настоящая пытка. Вновь начинает кружиться голова, а в животе порхают бабочки - он моя первая любовь, и каждая минута прошлого для меня бесценна.

- Вы никогда не делились, да и ваш муж человек скрытный, где вы познакомились?

- В университете. Так что вы немного исказили факты. Для меня эта история началась намного раньше, чем об этом стало известно прессе. Я только поступила и не планировала начинать отношения, - с трепетом в груди, удовлетворяю интерес обывателей, хоть и хочется все свернуть, не мучая себя ностальгией. Только имею ли я право сейчас, когда больше всего на свете мечтаю добиться справедливости?

- Вы вместе учились?

- Нет, для Игоря это был выпускной курс, - отвечаю, а перед глазами уже стоит пятикурсник: темные волосы, стриженные на современный манер, так что при желании можно запустить в них руку, крепкие плечи, каждое из которых украшено татуировкой, о чем я узнаю намного позже, волевой подбородок, губы, с четким, словно высеченным придирчивым скульптором контуром, и глаза - покоряющие, приказывающие немедленно сдаться на волю их обладателю...

Глава 1

- Чего встала? - нагло подталкивая меня локтем, грузная дама средних лет, недовольно пыхтит мне в спину, с трудом удерживая в руках огромные клетчатые сумки. - Здесь тебе не твоя деревня, шевелиться нужно!

Уж не знаю, с чего она отнесла меня к сельским жителям, но в одном оказалась права - с моим маленьким городком в пятьдесят тысяч жителей, этот мегаполис не сравнить. Растеряно озираясь по сторонам, я не на шутку пугаюсь, что этот плотный поток людей, стремящихся покинуть платформу, подхватит меня и увлечет за собой в неизвестном направлении...

Мне всего лишь шестнадцать и я только ступила на путь самостоятельной жизни. Да что там! Лишь оторвала подошву от земли, собираясь совершить прыжок в неизвестность: пугающую, манящую и заставляющую сердце отчаянно биться в груди. Миниатюрная угловатая брюнетка, оторванная от маминой юбки и бдительного ока отца, как тут не испугаешься бешеного ритма Столицы?

Мой скудный багаж, в большинстве своем состоящий из книг, с легкостью уместился в оранжевом чемодане, купленном мамой специально, чтобы я с легкостью могла донести его до машины. До машины моей тетки по папиной линии, которая то ли забыла о моем приезде, то ли пала жертвой толкучки, от вида которой мне становится не по себе. Не знаю, как сумею привыкнуть к такой многолюдности, но очень надеюсь, что Москва встретит меня приветливо.

- Девочка! - протяжно просит меня отойти уставшая женщина в легкой ветровке цвета детской неожиданности, и я, наконец, отмираю. Бодро качу свою поклажу к бетонному столбу и опираюсь спиной на холодную опору. Да уж, потеряться здесь можно за пару минут, а уж разминуться с тетей Викой и вовсе секундное дело!

Несмотря на жуткий азарт, заставляющий бурлить мою кровь, я отчаянно пытаюсь сконцентрироваться на происходящем: вот молодая прыткая мамаша, вцепившись в лямку на рюкзаке сына, проворно лавирует между приезжими; вот пенсионер с длиннющей седой бородой в молодежных солнечных очках и яркой футболке с логотипом группы «Ленинград», лениво переставляет ноги, закатывая глаза к небу, явно сетуя на нерасторопную парочку, следующую впереди. А там шумная компания по очереди обнимает девчонку, только что спрыгнувшую с подножки вагона, шумно приветствуя подругу, на чьей голове красуются африканские косички. Смотрю, и сердце пронзает зависть - ей есть к кому возвращаться, есть ради кого толкаться в тамбуре, выглядывая приятелей в закопченное окно, есть с кем поплакать, едва ноги коснутся перрона. Мои же друзья разбежались, разъехались по разным точкам на географической карте в стремлении найти себя и поскорее избавиться от родительского контроля.

- Вот ты где, - застав врасплох, папина сестра сгребает меня в объятия, окутывая резким запахом шипровых духов.

Я не сразу прихожу в себя, смущенно улыбаюсь свой родственнице и как-то неловко похлопываю ее по спине, так не вовремя отмечая, насколько мягок ее розовый свитер. Наверное, ангоровый...

- Здравствуйте, - произношу сразу, как только она расцепляет свои руки, чтобы теперь вцепившись мне в плечи, слегка отклонить назад мое худенькое тельце. Смотрит внимательно, изучающе, словно я редкая зверюшка, чудом забредшая в контактный зоопарк.

- Ну вылитый Борька! - пусть комплимент и сомнительный, если учесть, что папа сильно набрал за те семь лет, что не приезжал к сестре, отчего его и без того внушительный нос расплылся по пухлому лицу, но все же благодарю свою тетку, не представляя, как вести себя дальше.

- Испугалась поди? Я в пробку встала, время-то какое, все с работы едут! Давай свои вещи, - живо, словно промедление может стоит нам жизни, Виктория начинает вертеться по сторонам. - Это все, что ли?

- Да, - краснею, когда тетя отбирает моего оранжевого товарища. - Взяла только самое нужное.

- Ну даешь! Я все утро переживала, что не смогу дотащить твои пожитки до парковки, а ты тут едва ли не с пакетиком стоишь! Как папка-то? Все жрет?

- По-старому, - теряюсь я от ее прямолинейности. А ей хоть бы что - нагло толкает зевак, все время подначивая меня ускориться. С легкостью школьницы минует площадь, вынуждая перейти на бег, ведь за этой прыткой дамочкой не так-то просто угнаться, и, постоянно оглядываясь, не отстала ли я по дороге, кивает в сторону автомобиля, брошенного у магазина.

- Ну, Борька! Говорила ему, не ешь, разнесет, как деда Геру, а ему хоть бы что! Как по скайпу не созвонимся, вечно колбасу наяривает! Ряха уже в монитор не влезает, боров! Не кисни, Лизок, теперь как человек заживешь! Я тебя объедать не стану, у меня фигура! - видимо, решив, что после папиного набега на холодильник, мне оставалось довольствоваться лишь водой, подбадривает меня тетя Вика, уже кидая мой чемодан на заднее сиденье своего старенького матиза. - Глядишь, и мать твою сюда перетащим, пока он и ее не съел.

Чувство юмора у нее странное, но, видимо, ее все устраивает, потому как она заливисто смеется, выруливая на дорогу. Я же лишь улыбаюсь, не желая обидеть свою родственницу, любезно согласившуюся меня приютить, пока я не решу вопрос с общежитием, и жадно изучаю архитектуру, мелькающую за окном.

- Живу я одна, - тем временем никак не уймется женщина, ради своей болтовни даже выключив магнитолу. - Дома бываю редко, но если мальчика привести надумаешь, лучше заранее предупреди, чтобы краснеть потом не пришлось. Меня-то ничем не смутишь, я твоего папку без штанов в душе застукала - так что после такого ничего не боюсь. А вот ты точно будешь краснеть, как помидор, по лицу вижу - скромница.

Она подмигивает, тряхнув каштановой шевелюрой, и для чего-то тычет мне в бок, переходя на заговорщический шепот.

- Парень-то есть, Лизок?

- Нет, - смущаюсь я такого поворота.

- Значит, найдем. Здесь их как грязи, хоть каждый день меняй. Так что подыщем, не переживай.

- Спасибо, конечно, но мне не надо.

- Ну, как знаешь. Может, и к лучшему, толку от них? Как с козла молока! Я после первого брака всерьез мужиков не воспринимаю, все как один - подлецы.

Замечание спорное, потому что с детства я верила, что счастливый брак возможен, и родители мои яркое тому подтверждение, но предпочитаю смолчать. Кто знает, что пережила моя тетя? Меня в подробности не посвящали, а бередить старые раны расспросами как-то не хочется.

За нескончаемыми разговорами тети Вики, я мало что успеваю запомнить - постройки все как одна сливаются перед моими глазами, не оставляя после себя в памяти ни чудных названий на неоновых вывесках магазинов, ни адресов, которые на такой скорости разглядеть нереально.

- Выпрыгивай, Лизка, приехали! - ворвавшись во двор с диким скрежетом шин, тетя глушит двигатель и раньше, чем я успеваю отстегнуть ремень безопасности, выбирается на улицу, громко хлопнув водительской дверью. Удивительная женщина, просто кладезь ненужной информации и нескончаемый источник энергии. Рядом с ней даже мне хочется двигаться поживее.

Не знаю, что я ожидаю увидеть за железной дверью ее квартиры, но мысленно настраиваюсь на худшее: не удивлюсь, если по утрам она совершает обрядовые танцы в своей гостиной, со всей дури ударяя в бубны, и вряд ли испугаюсь, если все ее полки заставлены замысловатыми статуэтками...

- Замок заедает, так что приготовься. Вот так наваливайся и крути, - хорошенько приложившись к металлической поверхности плечом, тетя кряхтит, и, наконец, совладав с замочной скважиной, произносит:

- Не пугайся, немного не прибрано.

***

Вика меня не обманула - ее почти не бывает дома. Два раза в неделю она и вовсе не приходит ночевать, но непременно звонит, желая удостовериться, что я не разгромила ее берлогу. Хотя, положа руку на сердце, я не думаю, что тут есть о чем беспокоиться: несмотря на современный ремонт, ее жилье больше напоминает захламлённую кладовку, нежели холостяцкую квартиру женщины, знающей чего она хочет от жизни. На окнах помпезные портьеры, перехваченные пушистыми кисточками, на полу - коврики крупной вязки с переливами всех мыслимых и немыслимых цветов, постель накрыта видавшим виды покрывалом, похоже, доставшимся ей от родителей, а новенький встроенный шкаф на фоне советской мебели, которую тетя специально высматривала на сайтах с поддержанными вещами - одно большое нелепое пятно, протянувшееся во всю стену спальни. Мама пришла бы в ужас...

Но вот что странно: будучи очень педантичной личностью, к окружающему меня безумию я привыкла довольно быстро. На второй день перестала брезгливо морщить нос, заметив разбросанные на полу в ванной вещи, на третий перестала собирать их за Викой и бросать в бельевую корзину, а, спустя неделю, относилась к пакету с мусором у входной двери, как к неотъемлемой части интерьера. Возможно, я стала неряхой, заразившись от родственницы удивительным, просто необъяснимым безразличием к дому, но желание навести здесь порядок без лишних усилий похоронила под ворохом действительно важных дел. Тем более что для Вики царящий вокруг бардак не просто результат лени, а самый настоящий протест, вызов чопорному обществу с чего-то решившему, что женщина непременно должна намывать полы.

- Вот кому надо, тот пусть и моет, а я это время проведу с пользой, - и именно этим она и занималась: работала, посещала музеи, часами расчесывала волосы, и заглатывала сериалы целыми сезонами, не желая томиться в ожидании долгожданной развязки.

Сейчас, спустя десять дней жизни под крылом тридцатипятилетней тетушки, я невольно стала ловить себя на мысли, что среди нас двоих - я больше гожусь на роль курицы-наседки.

- Не пихай мне эту гадость, - брезгливо сморщив нос, женщина отодвигает подальше бутерброды, которые я приготовила ей на перекус. - Я же говорила, у меня фигура!

- У меня тоже, - стою на своем, и, воспользовавшись ее невнимательностью, незаметно запихиваю в сумку куски батона и копченой колбасы.

- Пфф, - хихикает, домывая посуду, спешно стирает влагу с рук вафельным полотенцем, и исчезает в прихожей. - Фигура! Доска два соска!

Задело ли меня? Ни капли. На своей внешности я стараюсь не зацикливаться, и у меня довольно неплохо выходит: никакой зависти к моим одногруппницам, чьи тела уже обрели плавные изгибы, я еще ни разу не испытала.

- Сколько у тебя пар? - позвякивая ключами, кричит моя тетушка едва ли не из подъезда, но закрывает дверь прежде, чем я бросаю свое довольное:

- Три!

С группой мне несказанно повезло. Шестнадцать девушек и четыре мальчишки, разные в своих увлечениях и манере общения, мы довольно быстро сумели найти общий язык. Если отправившись в вуз впервые, я едва ли не падала в обморок от возможной перспективы остаться никем не замеченной и заполучить обидное звание белой вороны, к концу вручения

студенческих билетов мои страхи канули в небытие. Я невысокая, сто пятьдесят пять сантиметров роста, хрупкая, как березовая веточка, влилась в коллектив без особых проблем. На фоне разукрашенных девчонок, наверняка с самого утра накручивающих себе кудри в желании сразить наповал всех и каждого, я походила на растерянного ребенка, которого хотелось опекать и вести по суровой студенческой жизни, взяв за холодную ладошку. Дня через четыре стало понятно, что главная страсть моей жизни - книги, и если в школе это становилось предметом насмешек, во взрослой университетской среде лишь больше манило ко мне окружающих.

- О, а вот и малявка! Думали, решила прогулять, - обнимая за плечи, Сема Трошев привлекает меня к себе.

Это наша традиция - пока погода радует своим теплом и зеленью выстриженных кустов вокруг территории корпуса, мы непременно сбиваемся в кучку у входа, дожидаясь друг друга, чтобы потом всем скопом нестись в аудиторию. Не знаю, возможно, попривыкнув, мы и начнем перемывать друг другу кости, но пока я наслаждаюсь дружелюбной атмосферой нашей компании.

- Ты с общежитием все решила? - взяв меня под локоть, Таня Петрова подстраивается к моему шагу, пальцами свободной руки придерживая на груди кардиган. Она комплексует из-за своего веса и всячески прячет внушительный четвертый размер под свободной одеждой. Не думаю, что это помогает, ведь Федя Самсонов то и дело теряет нить разговора, пожирая глазами ее пышный бюст, но одно знаю точно - к восемнадцати Тане пока так и не удалось полюбить свое женственное тело.

- Решила. В субботу тетя поможет мне с вещами.

- А комнату какую дали? - неторопливо поднимаясь по широкой беленой лестнице, воодушевляется девушка. Мы неплохо ладим, и хоть ни одна из нас в этом не признается, в глубине души питаем надежды, что в будущем наша симпатия перерастет в крепкую дружбу.

- Двести шестнадцатую.

- Правда?! А я в двести двадцатой! - подпрыгнув на месте, Петрова напрочь забывает о своем прикрытии, и полы кардигана расходятся, являя миру ее природное великолепие.

- Ух, Татка! Чего ты их прячешь? - завистливо глядит из-под опущенных ресниц Соколова, повергая Таню в смущение. - Люди деньги тратят, чтоб такие иметь, а ты мешки на себя натягиваешь!

- Вот-вот, Петька, тряси своим богатством, - потянув за рукав, Федя настойчиво пытается стянуть с нее кофту, ловко уворачиваясь от ее беспорядочных ударов. В затихшем со звонком коридоре, нежная трель девичьего смеха звучит оглушительно громко, и как любая прилежная ученица, опасающаяся строгого выговора от преподавателя, я возмущенно шиплю, пытаясь вразумить разбушевавшихся ребят.

- Вот не удивительно, Волкова, что тебя старостой назначили! Только и знаешь, что нас отчитывать! Лучше бы в деканат сходила. Чего математик не идет? Может, лекций и не будет вовсе? - пыхтит Светка, зеленоглазая бестия, с облаком рыжих кудряшек, непокорно спадающих ей на глаза. За эти неполные две недели, каждый успел усвоить - Светка - сова, и разговоры с ней лучше откладывать до третьего перерыва...

В чем-то она права: помимо тоненького журнала, в котором мне предстоит фиксировать пропуски одногруппников, на меня возложена почетная миссия связного между ребятами и педагогическим составом. Поэтому и разворачиваюсь, скрипнув подошвой своих бело-бирюзовых кроссовок о еще чистую в это время напольную плитку.

Мне нравится величие старых стен экономического института, нравится роскошь позолоченных бра на стенах, массивная люстра с лампочками-сосульками, которую явно не снимают намеренно, желая сохранить налет старины в нашпигованном современной техникой здании. И пусть я до сих пор теряюсь, с трудом отыскивая аудитории, именно здесь понимаешь,

что детство осталось позади - на нашей кухоньке с яркими желтыми шторами, в моей спальне, где на полках до сих пор рассажены любимые куклы.

Дверь деканата я нахожу без особых проблем, лишь раз свернув не в тот коридор, о чем догадываюсь только тогда, когда упираюсь в тупик. Делаю глубокий вдох, и уже почти касаюсь дерева рукой. Но прежде чем раздается характерный стук, двери распахиваются, а в меня ударяется что-то жесткое, каменное. Словно я, потеряв разум, разбежалась, и что есть мочи приложилась к стене.

Растянувшись на холодном полу, я не сразу понимаю, что же случилось: в голове ни одной мысли, копчик горит огнем, а из легких словно выкачали весь воздух...

- Вот черт, - сквозь шум в ушах, раздается приятный мужской голос, и вот уже чьи-то руки хватают меня за ворот кофты и словно тряпичную куклу приподнимают в воздух.

- Больно? - не очень-то аккуратно поставив меня землю, парень заглядывает в мое растерянное лицо, и так и не дождавшись ответа, начинает вертеть, видимо, проверяя, сильно ли я покалечилось. - Голова в порядке?

Не знаю, что производит на меня большее впечатление: внезапное падение, грубая встряска за ворот кофты, аромат духов, ударивший в нос, нахальные пальцы, сейчас треплющие мои волосы, или лицо виновника моей острой боли...

- Чего делаешь-то? - придя в себя, отталкиваю этого наглеца, растирая рукой свой многострадальный копчик.

- Проверяю, нет ли раны на голове, - улыбается и виновато чешет затылок. - Я не хотел, правда. Янка виновата, - указав большим пальцем за спину, он все же вспоминает о приличиях.

- А я-то что? Вечно носишься, как угорелый! Скоро диплом получать, а никакой серьезности! - покинув свое рабочее место, секретарь выглядывает из-за распахнутой двери. - Цела хоть?

- Вроде бы, - с пылающими щеками, поправляю лямку своего рюкзака, вспоминая, что в коридоре меня дожидаются обеспокоенные одногруппники. - Скажите, а Морозов Виктор Палыч сегодня будет? Лекция у нас, уже пятнадцать минут его ждем...

- А ждете зачем? - словно я его спрашивала, вклинивается в разговор мой обидчик. - Закон есть, или вы первачье?

Теперь он с интересом меня изучает, и чем ниже спускается его взгляд, тем больше расползается улыбка... Я не успеваю проанализировать с чего вдруг мне становится так неуютно, и на автомате приглаживаю волосы, которые никогда не собираю в хвост, предпочитая давать им свободу, хоть и понимаю, что моя пятерня мало что изменит - уверенна, я похожа на пугало. На мне в меру плотный свитшот в мелкий цветочек, свободная юбка до колен и любимые кроссовки...

- Ты тут не умничай, Громов! Иди на кафедру, а то Ильин три шкуры с тебя сдерет. А ты своим передай, - теперь обращается ко мне, - ко второй половине пары - явится. По понедельникам у него такое бывает...

Я с трудом плетусь обратно, проклиная неуклюжего пятикурсника, в то время как тот, неторопливо бредет сзади, отчего-то цокая языком, чем только меня нервирует...

- Чего увязался? - не сдерживаюсь, резко развернувшись, и меня простреливает еще больше - может, копчик я все же сломала?

- Давай в медпункт провожу? - заметив гримасу отчаянья на моем лице, этот Громов, видимо, борется с укорами проснувшейся совести. - Я Игорь. Знал бы, что ты за дверью, не стал бы так торопиться. Хвосты закрываю, чтоб не отчислили, так что вечно на бегу. Давай донесу?

- Не надо! - взвизгнув, отбрасываю протянутую ко мне руку, хоть и смягчаюсь, понимая, что снес он меня не специально. - Без медпункта обойдусь. Пройдет.

- Тогда до аудитории провожу...

- Спасибо, но я сама. Хвосты ведь...

- Точно, - ослепительно улыбнувшись, Игорь начинает пятиться назад, продолжая удерживать на мне взгляд. А глаза у него необыкновенные, цвета выдержанного коньяка... - Без обид?

- Ага, - киваю, одарив ответной улыбкой, не такой открытой, как у него, но вполне искренней, и, махнув на прощание, провожаю взглядом удаляющуюся спину...

- *Это была любовь с первого взгляда?*- доносится издалека, и я изумленно трясу головой: та же студия, яркий свет, замершие на своих местах операторы, один из которых сейчас наверняка брал меня крупным планом...

- Нет, - устало отвечаю, так и не отойдя от нахлынувших на меня воспоминаний. - Лишь первая встреча, которой мы не придали значения.

Филипп опять кивает, при этом состряпав скорбную физиономию, отчего мне хочется с размаху влепить ему оплеуху - с недавних пор не терплю напускного сочувствия и притворных речей. «Тебя бросил муж? Какой подлец!», «Вы были такой замечательной парой, Лизонька!», «Черт бы побрал эту Петрову! Никогда не нравились ее песни!» - одно и то, даже руку они жмут мне одинаково: берут ладошку и жамкают, словно это не пальцы, а коровье вымя... А после принимают его приглашения на совместный ужин, выкладывают фото в соцсети, на каждом из которых льнут к известной поп-исполнительнице...

- Потом вы же наверняка обсуждали, смеялись, вспоминая, как он сбил вас с ног, - не унимается ведущий, жестом прося зал помолчать: машет указательным пальцем, даже не поворачиваясь к ожившей публике, и слегка приоткрывает рот в нетерпении.

- Бывало. Я думаю в каждой паре ведутся такие разговоры, - вымучено улыбаюсь, сглатывая горечь с языка. Теперь мы вряд ли когда-то сумеем выстроить с Игорем спокойный диалог.

- И что говорил ваш супруг? Какое впечатление вы тогда на него произвели?

- Он счел меня сумасшедшей. Такого нелепого свитера он прежде не видел, - я тянусь к стакану воды, заранее приготовленному для меня, и делаю жадный глоток. Смотришь ли ты сейчас, Громов? Упиваешься моей болью?

- А вы? Наверное, любая шестнадцатилетняя девчонка потеряла бы голову, увидев такого красавца, - Смирнов кивает в сторону экрана, где сейчас демонстрируются снимки Игоря тех лет, и я долго не отвожу глаз от лица мужа прежде, чем ответить.

- Нет. Моя голова была на месте. Я толком и не запомнила его лицо. Разве что только глаза. Это ведь жизнь, мы ежедневно кого-то встречаем и вряд ли сумеем вспомнить каждого, с кем перебросились парочкой фраз.

- Тогда, когда же вы влюбились?

- Я? Позже, немного позже. Наверное, в конце декабря. Да, - перебрав события в голове, откидываюсь на спинку, подустав от статичной позы. - Именно тогда мы начали с ним общаться...

Глава 2

К концу декабря в моем родном городке улицы уже усыпаны колючей снежной крошкой. До сих пор помню, как ненавидела пробираться по узенькой тропинке, с двух сторон окруженной высокими сугробами, желая сократить путь до школы. Бурчала себе под нос, соскальзывая ботинком с колеи и увязая в холодной вате. Еще и мороз, пробирающий до костей и обязательно обжигающий щеки...

Здесь же передвигаться значительно проще. Ночами снегоуборочная техника избавляется от выпавших осадков, не забывая посыпать солью широкие тротуары, а с детства привыкнув к суровой непогоде, ветра я сношу вполне спокойно. На прошлой недели мы с Таней урвали мне неплохой пуховик, пусть Петрова и уверяла, что он больше подходит восьмикласснице, так что на улице чувствую я себя вполне комфортно. И если за это время когда и мерзла до самых костей, то только сейчас, когда взгромоздившись на широкий подоконник, прижалась спиной к окну.

Свет уже минут двадцать, как приглушили, погрузив длинный коридор рядом с кабинетом информатики в полумрак, студенты в большинстве своем отправились по домам и лишь наша группа все так же продолжает сидеть в учебной аудитории. Нервно грызет ручки, бросая друг другу вопрошающие взгляды о помощи, и усердно имитирует увлеченный учебный процесс. Все, за исключением меня. Поэтому и трясусь в одиночестве, не в силах справиться со слезами, пугая охранника, расположившегося в другом конце коридора своими пусть и приглушенными, но вполне различимыми всхлипами. Плевать, что он сочтет меня размазней, или кто-то из замешкавшихся студентов, проходя мимо, заметит мой распухший нос и покрасневшие глаза... Пусть даже тот, кто торопливо сбегает по лестнице и уже через секунду покажется на горизонте рассмеется над моей истерикой, все одно - хуже уже не будет.

Да и кому, вообще, может быть дело, отчего я вскарабкалась сюда, вместо того, чтобы отправиться в общежитие?

- Эй, плохо тебе? - опровергая мою убежденность в человеческом безразличии, тот, кто явно куда-то спешил секундой ранее, кладет свою руку на мою коленку. Мужскую руку, мальчишеской я бы вряд ли смогла ее назвать...

- Слышишь меня? - никак не уймется незнакомец, и мне все же приходится поднять голову, предварительно дернув ногой, чтобы избавиться от чужих пальцев.

- Копчик? - удивляет еще больше своим вопросом и, положив свою папку на свободное от меня и цветочных горшков место, делает шаг в сторону, чтобы я могла его разглядеть.

- При чем тут копчик? - глотая слезы, тру нос рукавом, не в силах совладать с дыханием, заранее прикидывая, как смогу побыстрее избавиться от этого добряка.

- Не узнаешь, что ли? Деканат, дверь...

- Игорь? - еле выговорив его имя, вновь опускаю лицо в ладони и жалобно всхлипываю.

- Игорь, - не смотрю на него, но знаю, что он улыбается. - Опять кто-то с ног сшиб?

- Нет, - теперь я перехожу на писк, как делает любой ребенок, наконец, добившийся внимания взрослого, чтобы с кем-то поделиться своими невзгодами. - Информатик...

- Отругал?

- Выгнал!

- И ты из-за этого тут завываешь? - теперь посмеивается открыто, наверняка удивляясь, как в этот солидный вуз взяли ребенка вроде меня.

- Зачет ведь! А он даже слушать не стал...

- И чего? Потом пересдашь, - уж не знаю почему, но Громов явно вознамерился меня успокоить. Может, от природы слишком добр, а может забавляется, глядя на такую неразумную первачку.

Где-то за моей спиной, там на холодной вечерней улице, отгороженной от меня стеклопакетом, кто-то о чем-то громко спорит, под аккомпанемент проносящихся мимо легковушек, и парень молча следит за устроенным парочкой переполохом, давая мне вдоволь выплакаться по так и не полученной заветной записи в зачетке. Когда же, спустя минут пять, я все же перестаю шмыгать носом, он словно отмирает, переводя свои карие глаза на мою зареванную физиономию.

- Пошли давай, Копчик, я тебя до дома подброшу. А то еще под автобус с горя кинешься...

- Несмешно! - слабо протестую, позволяя ему помочь мне спрыгнуть с насиженного места. Тело мое заметно потряхивает - то ли от величайшего горя, то ли от близости продувающей рамы.

- Кто знает, что у тебя на уме, - он подбирает папку и сброшенный мной на пол рюкзак и уверенно направляется вглубь коридора.

Никогда не смогу ответить, для чего иду следом и с чего, вообще, соглашаюсь принять его великодушный жест, но одно оправдание нахожу без труда - я медалистка, победительница городских олимпиад, надежда школы и обладательница стобального результата по двум обязательным экзаменам. И имея за спиной внушительный запас знаний, я только что завалила глупейший зачет...

- Куртку бери, - устало командует мой новый знакомый, уже получив от гардеробщицы свое серое пальто. Солидный такой, в черных не то джинсах, не то брюках, с кожаной папкой под мышкой...

Сейчас я впервые готова согласиться с Петровой - мой дешевенький пуховик болотного цвета на фоне лощеного пятикурсника смотрится убого. Но выбора нет, поэтому я и стараюсь не смотреть на Игоря, пока обматываю вокруг шеи связанный мамой шарф. Уж за него я не переживаю - крупная воздушная вязка выполнена мастерски, хоть и теряет свой шарм в комплекте с моим дутым безобразием.

- Что ж неуклюжая-то такая? - подхватив меня под локоток, когда я чуть не падаю, Громов ведет меня к парковке, и, к великому счастью, не замечает моего изумления, сразу занимая место на водительском кресле своей поблескивающей в свете фонарей иномарки. Явно дорогой и надежной.

- Где живешь хоть?

- В общежитии. Улица...

- Знаю, - хмыкнув, он уже выруливает с территории вуза.

- Тоже там живешь? - ляпаю первое, что приходит на ум, и тут же краснею - образ человека в шикарном пальто никак не вяжется с общим душем и завариваемым на кухне Дошираком.

- Нет, но пару раз там бывать приходилось. Тебя как звать?

- Лиза. Лиза Волкова.

- Волкова, - опять хмыкает, глянув на меня, как на малявку, с которой его попросили понянчиться сегодняшним вечером, и расстегивает пуговицы на своей верхней одежде.

Ему, наверное, года двадцать три, а выглядит старше, хоть легкий бардак на голове и придает мальчишеского шарма его прическе. Скорее всего, дело в его взгляде, каком-то серьезном, задумчивом, и немного хитром, когда он смотрит вот так, с прищуром.

- Признавайся давай, списывала, наверное.

- Нет. Я готовилась. Но эти программные коды мне тяжело даются. Специально заучила тот, что он в лекциях давал, а ему новый подавай, собственноручный...

- Ясно, - притормозив на светофоре, Игорь лениво разглядывает улицу, устроив локоть на водительской двери.

Красивый. И красота у него сугубо мужская, резкая, как заточенный клинок. Скулы, лоб, нос, подбородок - словно умело высечены, без излишней нежности и так часто теперь встречаемой плавности линий в мужских лицах.

- А ты сдал свои хвосты? - устав от затянувшегося молчания, решаюсь попробовать хотя бы раз завести непринужденную беседу, чтоб без подрагивания в пальцах. Про себя даю клятву, что не стану ругать свой болтливый язык за очередную сказанную глупость и, отогревшись в тепле салона, расслабленно расправляю плечи. Может, и не встретимся больше, чего каждое слово подбирать?

- Сдал, иначе бы не подвозил тебя. Так что учись, чтобы потом не бегать.

- А я и учусь. Чтобы ты знал, в группе я лучшая. Просто информатик еще этого не понял, - я нагло вздергиваю подбородок.

- И скромная.

- И скромная, - повторяю, отвечая на его улыбку, и до самого общежития обсуждаю с ним нелегкую участь студента.

- Расстроилась, да? - часом позже, Танька усаживается на мою кровать, отбирая учебник по ненавистному мне предмету, который я вознамерилась заучить от корки до корки.

- Вот еще! Пошел этот Беляев куда подальше. В среду так отвечу, что он дар речи потеряет! - подоткнув под спину подушку, подбираю ноги к груди.

- Какая ты еще малышка, Волкова! - рассмеявшись над моим боевым настроем, Петрова взбивает пятерней мои растрепавшиеся волосы.

- А ты, Петька, значит, старуха? - знаю, как ей не нравится это прозвище, но уже сама завелась. Ребенок, значит? Танька лишь на два года старше!

- Ты посмотри, какая язва! - ничуть не обидевшись, Петрова устраивается рядом со мной, ни с первого раза избавившись от тапок.

С ней мне всегда комфортно. За те три месяца, что я перебралась в недавно отремонтированную комнатку на втором этаже, мы, кажется, сумели неплохо сблизиться.

Я знаю, что в школе училась она неважно, так что сейчас родителям Петровой приходится нелегко. Мама устроилась на подработку, папа взял дополнительные смены, чтобы хоть как-то свести концы с концами, пока любимая дочь учится в одном из лучших вузов России. Мне, может, и хотелось ее спросить, для чего она так настойчиво пробивалась именно сюда, ведь в Москве выбор университетов огромен, но кто ж разберет, что в голове у этой девчонки. Тем более что личность она творческая - может часами сидеть в наушниках, погрузившись в мир музыки, и не реагировать на твой призыв, даже если ты настойчиво станешь трепать ее за плечо.

- Чего меня не дождалась? - устав перелистывать ленту в своей соцсети, Танька вновь отвлекает меня от учебы.

- Знакомого встретила, - стараюсь говорить как можно безразличней. - Предложил подвезти.

- Знакомый? - ее брови ползут вверх, и от такого явного удивления на ее лице мне становится не по себе.

Не красавица я: слишком худая, слишком бледная, а если учесть, что в отличие от многих так и не научилась пользоваться косметикой, то и вовсе слишком непримечательная. Я - одно большое и неприглядное «слишком», но думать так на свой счет про себя - вполне сносно, а видеть в глазах подруги такое неприкрытое недоверие к моим словам - больно.

Ведь правы и Танька, и Сема Трошев, мелкая я еще. Совсем не подготовленная к жизни ни физически, ни морально. Не одного романа за спиной, даже наивной влюбленности в соседа по парте, в то время как многие, уже вовсю придаются безумию...

- А что? По-твоему, у меня знакомых быть не может?

- Могут. Просто, - Петрова краснеет, отводя от меня глаза, - ты всегда такая серьезная, вся в учебе. А тут друг. Да еще и подвозит...

Я предпочитаю промолчать.

- *Наутро Игорь нашел в интернете мой профиль и скинул пример злополучного кода,* - смотрю на Филиппа, ожидая очередного вопроса.

- И вы влюбились. Такой герой, да еще и в красивом пальто, - ища отклика в зрительном зале на не самую удачную шутку, Смирнов широко улыбается, демонстрируя в камеру белоснежные зубы.

- Не сразу, конечно, но как и любая девочка, начала воображать, - вздыхаю, только сейчас понимая, как эта чертова информатика усложнила мою жизнь. - Он ведь красив. А я хоть и была разумной, но девчачье сердце живет по своим законам. Нам ведь немного надо, - смотрю на улыбнувшуюся мне женщину лет пятидесяти, сидящую в первом ряду. - Где-то с неделю я невольно ловила себя на мыслях: «Он ведь не прошел мимо! Подвез! Еще и про зачет мой не забыл!». И вот однажды набралась смелости и написала. В новогоднюю ночь.

- Поздравили?

- Да. И очень боялась, что он не ответит, - теперь смеюсь уже я, вспоминая, какой дурехой была. Тогда мне это казалось самым страшным на свете - не получить ответ на дурацкое сообщение. А сейчас? Сейчас я знаю, что в мире есть вещи куда более зловещие. Например, не видеть, как твои дети учатся чему-то новому...

- И вы начали общаться? - ведущий вновь садится рядом, а я ловлю себя на том, что за то недолгое время, что я нахожусь здесь, он уже раз десять пересек студию.

- Да. В основном я просила помощи в учебе, интересовалась преподавателями... Тогда я еще не умела кокетничать.

- Но этого ведь хватило, чтобы он разглядел в вас непросто товарища, иначе...

- Нет, - перебиваю, понимая, к чему он клонит. - Для Игоря тогда я была ребенком. Наверное, его подкупила моя детская непосредственность. Когда в нашей переписке мы незаметно для самих себя начали делиться личными переживаниями, я за словом в карман не лезла. Говорила в лоб, чем веселила Громова...

- Он обсуждал с вами своих женщин? Ведь наверняка поклонниц у него было немало, - тараторит ведущий, вновь повернувшись к экрану за своей спиной. А мне и смотреть не надо. Знаю, там мой красавец-муж в окружении размалеванных девиц.

- Редко. И переживала я это очень болезненно... Я мало что смыслила во взрослых взаимоотношениях, и единственное о чем мечтала - держать его за руку. Я была тепличным ребенком, вечеринки не посещала, в старших классах стала почти затворницей. Мечтала о поступлении, а для этого нужно трудиться.

Я расслабленна, но отчего-то выжата, как лимон. Уже начинаю привыкать к яркому свету в павильоне, нацеленным на меня взглядам, дотошному ведущему. По крайней мере, проваливаться в бездну воспоминаний присутствие посторонних людей мне совсем не мешает. Засматриваюсь на синий пиджак своего собеседника и тут же тону в круговороте сменяющихся картинок. Игорь обожает синий.

Глава 3

За ежедневной суетой я и не заметила, как пришла весна. Со стремительной скоростью деревья одевались в листву, лужайка перед университетом уже окрасилась в насыщенный зеленый, и мы с Таней все чаще коротали большой перерыв на заднем дворе. Расстилали свои ветровки на траве и подставляли лицо солнечным лучам - ласковым и еще таким щадящим. Я по обыкновению читала книги, с недавних пор открыв в себе страсть к любовным романам, а Петрова дремала, подложив под голову мой новенький рюкзак.

Вечерами я устраивалась за компьютером и с нетерпением ждала, когда же Игорь Громов войдет в сеть. Наши разговоры были пустыми, лишенными романтизма, и в основном состояли из его шуток и моих просьб помочь с очередной работой, которых к сессии задавали все больше. Он подорвал мою успеваемость - уж не знаю, как ему удалось оттеснить на задний план мою погоню за званием «круглой отличницы», но постепенно я утратила страсть к преподаваемым мне наукам, выполняя задания механически, все чаще предаваясь мечтам, в каждой из которых был он. Теперь я постоянно сверлила взглядом монитор, с трудом концентрируясь на учебниках. А, может, глупела специально, чтобы в очередной раз завести долгий диалог по поводу непонятного мне материала. Однажды ступив на эту зыбкую почву виртуального общения, я оказалась в полной зависимости от активности его аккаунта...

С того случая в университетском коридоре, мы так ни разу и не встретились. Все-таки это нереально, если учесть, что число студентов нашего факультета превышает количество учеников средней школы, которую я так триумфально окончила. И пусть я больше всего на свете желала случайно столкнуться с ним в дверях или увидеть его машину на парковке, но меня вполне утешала возможность любоваться фотографиями в его профиле.

Игорь все так же называл меня Копчиком, с чего-то решив, что это довольно милое прозвище, а я незаметно для нас обоих стала начинать нашу переписку с неизменного «Здравствуй, Гоша». Четыре с половиной месяца, пролетевшие как один миг, теперь были обречены стать самым светлым периодом в моей жизни, ведь каждый день я начинала с мыслей об этом загадочном парне, впустившем меня в свой сокровенный мир.

- Опять сидите? - оторвав меня от чтения очередного бестселлера, Федя Самсонов нависает над нашей с Танькой парочкой, загораживая своей массивной спиной солнечный диск. Упитанный и неповоротливый, словно медведь мальчишка, швыряет к моим ногам свою сумку, и валится на лужайку, закидывая руку на Танькино плечо.

«Петькой» ее он больше не называет, и теперь ни для кого не секрет, что четвертый размер моей подруги одурманил его светлую голову. Светлую во всех смыслах - он неплохо разбирается в высшей математике, раньше всех сдает работы по физике и волосы у него - цвета спелой пшеницы.

- Там тебя парень какой-то спрашивает, - непонятно к кому обращается одногруппник, пожевывая травинку, и с философским видом устремляет свой взгляд к небу. - Ведь ни облачка...

- Руку свою убери! - Петрова возмущенно шипит, но сама сбрасывать ладошку навязчивого ухажера не торопится. Лишь притворно надувает губы, старательно скрывая улыбку.

- Да что такого-то? Я же тебя не щупаю. Полежим по-товарищески!

- Еще бы ты меня щупал! Клешни твои сразу поотрываю! - она ворчит, а я умиляюсь - пара из них получилась бы неплохая. Самсонов со своим задором и любовью к гитаре, и Таня с живым огоньком в глазах и голосом, от которого мурашки идут по коже.

- Смотрите, какая недотрога! Сама на меня всю лекцию таращилась...

- Никуда я не таращилась! Скажи, Лиз!

- А ты Лиза иди, парень долго ждать не будет, - едва я открываю рот, вклинивается Федя.

- Парень? - я удивленно округляю глаза, а руки уже живут своей жизнью: вырывают рюкзак из-под Танькиной головы, прячут новенькую, еще сохранившую запах типографской краски книгу в ранец, и торопливо натягивают на плечи ветровку. Сердце пускается вскачь, а в голове набатом бьет мысль «Он!».

Я несусь едва ли не вприпрыжку, чудом не сбивая встающих на моем пути студентов, даже не замечая, как оставляю позади залитую солнечными лучами площадку, и, перепрыгивая через две ступеньки, миную лестницу, от быстрого бега теперь жадно хватая губами воздух. Я плыву! Плыву по бескрайнему морю своей первой влюбленности и если и вижу впереди заветный клочок суши, то он где-то там, рядом с Игорем Громовым, сейчас стоящим у окна и с задумчивым видом рассматривающим улицу.

В синей футболке, рваных голубых джинсах, немного спущенных на бедрах, он выглядит даже лучше, чем в том кашемировом сером пальто. И это обезоруживает, сбивает с ног, заставляя меня замедлиться, чтобы как можно дольше любоваться его профилем, навеки выжигая образ этого брюнета в памяти... И я бы шла с черепашьей скоростью, если бы молодой человек не заметил меня и не улыбнулся, теперь и сам делая шаг навстречу.

- Ну, здравствуй, Лиза, - потрепав мою макушку, он выглядит вполне довольным. Только в сердце мое впивается острая игла - понравившуюся девушку так не треплют. Ее ласкают глазами, как Федька Самсонов мою подружку...

- Пришел на консультацию по диплому. Думаю, заодно и к тебе загляну, а то так никогда и не увидимся. Закончила свою контрольную? - с интересом меня разглядывая, спрашивает Гоша. А я немного теряюсь - все-таки переписка-это одно, а живое общение дается мне с трудом: постоянно сбивают его глаза, губы и спортивные плечи, на которые я просто не могу не смотреть.

- Сдала уже. Морозов меня похвалил, - нервно заламываю пальцы, словно не с другом общаюсь, а на экзамене отвечаю. И жарко так, хоть под душ беги!

- А я тебе конспекты принес. Те, что уцелели, - протягивает мне увесистую папку тетрадей, таких мальчишечьих - где спорткар, где девушка, прикрытая лишь одним купальником. - Так что, обещания свои держу. Выросла-то как.

- Неправда, - смущаюсь, и краснею еще больше, когда случайно задеваю его ладонь, забирая протянутые конспекты. - Даже сантиметра не прибавила. А за тетради спасибо.

- Кто у вас, Панфилов? - он кивает на дверь аудитории, а я не могу сконцентрироваться на разговоре, уже окончательно утонув в его глазах. Наверное, смотримся мы комично: красивый брюнет и растрепанная девица, едва достающая ему до груди...

- Странная ты какая-то, Лизка, - когда мое молчание затягивается, Громов глядит на меня с прищуром. - Не заболела?

- Нет, - еле выдавливаю из себя, а щеки уже пылают как маков цвет. Если руку с моего лба не уберет, точно в обморок упаду...

И сколько бы книг я ни прочла, сейчас для меня очевидно - ни один автор так и не сумел подобрать правильных слов, чтобы описать ту гамму эмоций, что ты испытаешь, видя перед собой любимого. С каким наслаждением ты делаешь жадные глотки кислорода, насквозь пропитавшегося цитрусовыми нотками его парфюма, с каким упоением вбираешь в себя мимолетное, невинное касание, удивляясь, почему твоя кожа не сгорает под жаром его нежных пальцев. Нет здесь места ни возбуждению, ни каких тугих узлов внизу живота, и речь моя путается вовсе не от внезапно нахлынувшего вожделения... Любовь - это нечто другое, то, что в первую очередь касается твоей неискушенной души, а уж потом заставляет подгибаться колени...

Вокруг словно и нет никого: ни студентов, ни преподавателей, торопящихся поскорее открыть кабинеты. Лишь я, позабывшая обо всем на свете, и он совершенно расслабленный и не подозревающий, какую бурю внутри меня сумел вызвать своим внезапным появлением.

- Ладно, пойду я... Пара сейчас начнется, опоздаешь еще, - Гоша бьет пальцем по циферблату своих часов, и пятится назад, не спуская с меня глаз. А я уже в его власти: к черту лекции, к черту мечту об автомате, когда он такой реальный, что можно протянуть руку и почувствовать мягкость его смуглой кожи.

- Напишешь потом, смогла ли разобраться в моих каракулях, - бросает мне на прощание, и, махнув напоследок рукой, торопливо уносится прочь.

«Дура! Какая я глупая, беспросветная идиотка!» - закатываю глаза к потолку и ругаю себя за неразговорчивость. Борюсь с желанием броситься вдогонку, крепко прижаться к мужской груди и умереть в его объятиях, навсегда запоминая, как стучит его сердце под моим ухом.

- Лизка, это ведь Громов, да? С пятого курса? - подскочив со скамейки, ко мне подбегает Светка, с недавних пор выкрасившая свою рыжую шевелюру в насыщенный красный. В нетерпении переминается с ноги на ногу, даже не подозревая, как грубо прервала мой поединок с собственными желаниями.

- Ага, - я все так же смотрю вперед, туда, где в последний раз мелькнула синяя футболка и исчезла за поворотом. - А что?

Откуда она, вообще, его знает? Или он не только меня до дому подвозил из лучших своих побуждений? Светка вон какая яркая! Такую никогда не забудешь, не зря же она перевела три пачки краски.

- Совсем темная, да? У него ведь мама актриса! Эвелина Громова. Я ее жуть как обожаю, даже на спектакль однажды ходила! А Игоря этого она в прошлом году с собой на премьеру брала, все журналы их фотками пестрили! - едва не подпрыгивая от восторга, девушка хватает меня за руку. - Вы дружите, да? Сможешь автограф для меня достать? Я Лизка все что угодно для тебя сделаю! Хочешь, за тебя реферат по истории подготовлю?

- Нет уж, - покачиваю головой, прекрасно зная, что реферат и Трофимова - вещи несовместимые. Уж лучше сразу двойку просить, чем долго краснеть, пока преподавательница в пух и прах разносит мою работу. Да и пользоваться чужим трудом я как-то не привыкла...

- Ну, Лизонька, ну, пожалуйста! Он тебя тут пять минут прождал, неужели десять секунд не уделит? Всего-то и нужно, маме листик подсунуть...

- Я, вообще-то, не знаю... Да и не говорил он о ней никогда. Неудобно как-то... - сомневаюсь, а где-то внутри тоненький голосок уже подсказывает: «Чем не повод для очередной встречи?»

***

Таня сегодня сама серьезность, весь день где-то витает. Не сделав в тетради ни единой записи, она с отрешенным видом смотрит в окно, словно происходящее на улице интересует ее куда больше маячащих на носу экзаменов. Под глазами круги, будто и не спала вовсе, а от колпачка ее ручки уже почти ничего не осталось - жеваная пластмасса, теперь острой пикой торчащая на кончике прозрачного корпуса гелевой пасты.

- Если бы ты знала, сколько на ней микробов, никогда бы не стала облизывать, - не выдерживаю ее молчания, с шумом закрывая учебник. - Сама ведь просила с тобой позаниматься! Мне повторять не нужно, хоть сейчас сдам на отлично.

- Прости, Лиз, - она отмирает, пытаясь выдавить из себя улыбку, но, так и не сумев совладать с эмоциями, прячет лицо в ладонях.

От вида ее трясущихся плеч, мне становится не по себе - и сама не раз заливалась слезами из-за учебы, но Танькино отчаяние действует на меня оглушительно. Всегда такая улыбчивая, неунывающая, даже когда в зимнюю сессию была на волосок от отчисления, сейчас она сама на себя непохожа...

- Ну что ты, Татка. Сдашь ты эту математику! Я с тобой хоть каждый день заниматься буду! - крепко обнимаю рыдающую блондинку, пододвинув свой стул поближе. - Не зверь же он! Шпаргалки распечатаем, с ними любой дурак сдаст!

- Да не в математике дело, Лиза, - мотая своей головой, подруга едва не переходит на крик. Закусывает сжатую в кулачок ладошку и крепко жмурится, словно это поможет удержать непослушные слезинки, крупными каплями орошающие порозовевшие щеки.

- А что же тогда? Родители?

- Федька... - произносит одно лишь слово, а мне и спрашивать больше ничего не надо. Два дня назад он заявил, что теперь встречается с Алисой - тихой, незаметной девушкой с параллельной группы. Устал обивать Танины пороги и с того дня больше ни разу не взглянул ни то что на ее лицо, а даже вырез ее блузки оставил без внимания. А это о чем-то, да говорит...

- Не нравлюсь я ему больше!

- Ну и черт с ним! Моя тетка говорит, что толку от этих парней все равно не будет... - не знаю, с чего вдруг вспоминаю Вику, но именно сейчас считаю, что ее словам можно верить.

- А он хороший, Лиза! Цветы вон дарил! Контрольные за меня делал! - всхлипывает, пропуская мимо ушей мои утешительные речи, и сбрасывает со стола тетради.

- Давай я буду их решать! Мне нетрудно, они однотипные!

- Да ну ее эту математику! Люблю я его, хоть и пухлый! И прическа такая дурацкая! А он с этой Алисой... - еще больше раздается плачем, теперь завывая в голос. - Не понимаешь ты просто... Я их вместе вижу, и внутри все переворачивается!

- Ну, Тань, ну не реви! - уговариваю, спустя две минуты, поскольку сама она останавливаться не торопится. - Хочешь, я его позову? Скажешь, как есть, и будь что будет!

- С ума сошла? Разве такое говорят? - оторопев, Петрова забывает об истерике, теперь удивленно вытаращив на меня глаза.

- А почему бы нет? - встаю тем временем, уверенно направляясь к шкафу, вознамерившись отыскать свой спортивный костюм. В этом коротеньком платьице идти на мужской этаж мне совсем не хочется.

- А сама тогда чего молчишь? - ее слова застают меня врасплох, и я так и замираю со штанами в руках. - Сохнешь по этому Игорю, а виделись всего три раза! Каждый вечер болтаешь с ним о всякой ерунде, а до главного так и не дошла!

- А вот возьму и скажу! - со свойственной мне упертостью, я вздергиваю подбородок.

- Обязательно скажу, чтобы потом как ты локти не кусать! - добавляю уже про себя.

- Ага, пошлешь ему СМС? Или любовное письмо на ящик кинешь?

- Если надо будет, то хоть в газету объявление дам! А ты сама виновата, Самсонов за тобой два месяца бегал, а ты времени не нашла взаимностью ответить!

- Да что бы ты понимала? Сама ни разу на свидание не сходила, а о поцелуях я, вообще, молчу! - наступает на меня Петрова, задевая за живое. Ведь и вправду, разве я что-то в этом смыслю?

- А чтобы ты знала, меня Игорь в театр позвал! Свидание у нас! - нагло вру, но не испытываю ни капли стыда, не желая выглядеть бледной молью в глазах подруги. Плевать, что я первая написала, что про маму его спросила и дифирамбы ей пела, хоть всегда считала, что Эвелина Громова - актриса посредственная. То ли роли ей плохие достаются, то ли в камеру много жеманничает...

- Вот я и посмотрю, как ты решишься ему в любви признаться! Думаешь это так просто?

- Просто! Всего лишь три слова! Вот сейчас их Самсонову и скажешь! - с шумом захлопываю дверь, закрывая подругу на ключ. Нечего ей себя жалеть, пора бы за Федьку и побороться! Сначала им помогу, а потом и сама с Громовым точки над і расставлю. Ведь непросто же так он со мной общается - красивый, взрослый, опытный! Прыгну с высокого утеса, и пусть он решает, ловить меня или дать разбиться о скалы.

- Игорь Валентинович, - слышу, но намеренно игнорирую своего водителя, жестом приказывая замолчать. Я так крепко сжимаю в руках планшет, что он сейчас треснет в стальных

тисках моих похолодевших пальцев. Непроизвольно тянусь к изображению на экране, желая хотя бы так почувствовать бархатистость ее кожи, и случайно сворачиваю картинку, теперь грязно ругаясь себе под нос.

- Мы на встречу не успеваем, пробку не объехать, - тем временем Витя никак не уймется, поворачивая ко мне свое раскрасневшееся лицо, и нервно елозя на водительском сиденье, ждет моих дальнейших указаний.

Что мне сказать? Что я плевать хотел на московские пробки? На китайцев, дожидающихся меня в ресторане в компании моего заместителя? Что даже начнись сейчас землетрясение, я все равно не смогу заставить себя думать о чем-то, кроме этой хрупкой женщины, устроившейся в кресле по ту сторону экрана? Жадно изучаю ее лицо (уставшее, чего не смог скрыть даже профессиональный макияж), и в который раз поражаюсь цвету ее глаз, больше всего на свете мечтая вытащить шпильки из этой строгой прически, позволив волосам цвета молочного шоколада упасть ей на плечи...

- Может, на метро, Игорь Валентинович? - уже порядком поднадоевший шофер упрямо добивается моего внимания, словно от подписания контракта зависит не мое, а его процветание. - А я за вами заеду, движение как раз возобновится...

- Может, еще и пешком до ресторана пройтись предложишь? Твое дело молчать и баранку крутить, - грубо пресекаю дальнейшие разговоры, и все так же не сводя глаз с транслируемого в прямом эфире выпуска скандального ток-шоу, достаю свой мобильный.

- Начинай без меня, - бросаю в трубку и больше не могу ни о чем думать, кроме как о той, что сейчас горько улыбается, глядя в камеру.

- Он обсуждал с вами своих женщин? Ведь наверняка поклонниц у него было немало, - спрашивает ее ведущий, разглядывая мои студенческие фото на огромной плазме в центре студии. А Лиза даже головой не ведет, отвечая на его вопрос.

- Редко. И переживала я это очень болезненно... Я мало что смыслила во взрослых взаимоотношениях, и единственное о чем мечтала - держать его за руку. Я была тепличным ребенком, вечеринки не посещала, в старших классах стала почти затворницей. Мечтала о поступлении, а для этого нужно трудиться, - молвит слегка охрипшим голосом, не сводя глаз с пиджака своего собеседника. О чем думает, замолкая почти на минуту? Жалеет, что когда-то встретила меня?

- Сейчас, когда за вашей спиной брак, рождение детей, начавшийся бракоразводный процесс, считаете ли вы, что в чем-то допустили ошибку? Что бы вы сказали той шестнадцатилетней девчонке? Отчего бы ее предостерегли? - словно прочитав мои мысли, Филипп устраивает руку на подлокотнике и, слегка сощурив глаза, терпеливо ждет, когда Лиза перестанет витать в облаках. Больше не наседает, как делал это вначале, явно опасаясь напугать мою жену излишним напором.

- Я бы посоветовала ей не ходить с Игорем в театр, - немного покраснев, она отводит глаза в пол, слегка приподнимая уголки губ.

Знаю, что ни за что не расскажет и заранее сочувствую ведущему. Он сыплет шутками, подключая все свое обаяние, надеясь, что она все-таки проболтается о том дне, и сейчас недовольно щурится, натыкаясь на ее молчание. А я уже ничего не могу с собой поделать, мысленно переношусь в тот далекий майский вечер и вижу перед собой шестнадцатилетнюю Лизу Волкову: волосы мокрые от дождя, руки дрожат отнюдь не от холода, терзая мелкие пуговки на зеленом платье...

Глава 4

- Напомни мне, зачем ты ее пригласил? - втянув голову в плечи, Слава вновь прячется под козырек, отбросив тлеющую сигарету в урну.

- Она хотела автограф, - отвечаю и стряхиваю дождевые капли со своих волос.

Льет как из ведра, и, несмотря на то, что от машины до величественного здания театра лишь пара шагов, я все-таки успел промокнуть под нескончаемым потоком дождевых капель.

- Детский сад какой-то! Когда уже перестанешь быть таким приторно - милым? Аж тошно!

- Это называется коммуникабельностью. И не делай вид, что не завидуешь мне, - задеваю его локтем, отвешивая наглую ухмылку. В борьбе за женские сердца я всегда на шаг впереди. Тянет ко мне симпатичных девиц. Наверное, дело в харизме...

- Твой отец - миллионер, Гошан, а мать заслуженная артистка. Так что не удивительно, что они на тебя слетаются, как пчелы на мед, - не жалея моих чувств, рубит Лисицкий. - Я бы и сам за тобой приударил, не будь я таким яростным гомофобом.

- У тебя бы не было шансов, - дурачусь, играя бровями, но заметив мелькнувший на горизонте ярко-желтый плащ, придаю лицу серьезное выражение. - Опаздываете, Елизавета. Пришлось запереть актеров в подсобке, чтоб не дай бог без тебя не начали.

Девушка сбивается с шага, приподнимает повыше свой зонт с не самым лучшим изображением Эйфелевой башни, и, задрав голову, пытается отыскать меня глазами. Спустя секунду, ее губ касается смущенная улыбка, и она, наконец, продолжает свой путь, быстро преодолевая скользкие от дождевой влаги ступени. И как только не упала?

- Автобус долго ждала, - поясняет взволнованная девушка, а Славик пытается скрыть свой смех за неестественным кашлем. Не знаю, что веселит его больше: знакомое лишь по словарю слово «автобус» или раскрасневшиеся щеки Лизы Волковой, с черными дорожками растекшейся туши, но выяснять сейчас причину его веселья желания нет.

- Заткнись, - произношу одними губами, пропустив вперед первокурсницу, и тут же прохожу следом, намеренно закрывая тяжелую дубовую дверь перед носом своего лучшего друга. И даже гомон людских голосов не способен заглушить дикий хохот, доносящийся с улицы. Уверен, он представлял ее иначе, за столько лет успев изучить мои предпочтения в выборе женщин, но вряд ли это оправдывает такую нездоровую реакцию на Лизино появление.

- Там зеркало, - взяв зонтик из ее похолодевших пальцев, указываю на закуток рядом с гардеробом. - Если поторопишься, успеем заглянуть к моей маме.

- Сейчас? - девушка испуганно округляет глаза, прикрывая рот ладошкой, а я хоть и привык к подобной реакции, не могу сдержать улыбки. - Не надо!

- То есть? Сама говоришь, что она твоя любимица. Вырезки собираешь, все сериалы с ней смотришь, - теперь моя очередь удивляться. Странные люди - создают себе кумиров, преследуют, а когда появляется возможность заглянуть за кулисы готовы бежать без оглядки...

- Смотрю! Только... я вся мокрая! Можем мы подойти в конце? И мне и вправду нужно зеркало. Наверное, я похожа на панду, - проводя указательным пальцем по скуле, девушка виновато глядит на меня из-под своих ресниц. Торопливо семенит к золоченой раме в углу вестибюля и что-то яростно оттирает, повернувшись ко мне спиной.

Чудная. Ей бы в школу сейчас ходить, а она мчит впереди паровоза: что-то учит, читает, решает... Такая редкость в наше время, когда девушки все чаще устраивают свою судьбу под боком у успешного мужчины. Предпочитают вкладываться в свой внешний вид, пренебрегая духовным развитием, в то время как эта хрупкая миниатюрная девица чувствует себя куда комфортнее в библиотеке, нежели в этой вычурной обстановке театрального здания. Ее выдает затравленный взгляд, неестественно прямая спина, платье, подол которого торчит из-

под плаща и она то и дело расправляет на нем складки... Неуверенно мнется у начищенных зеркал, без конца проверяя, не ушел ли я в зал, оставив ее одну в этом чуждом ей мире блеска и шика.

- Мелкая она какая-то, - копируя мою позу, Слава с интересом разглядывает Лизу, предусмотрительно отойдя подальше. Наверное, боится, что в этот раз я не стану бить его в ребра, нацелясь своим кулаком прямиком в его наглую физиономию. - В смысле, обычно девушки у тебя высокие и во всех местах выдающиеся.

Теперь он рисует окружности перед своей грудью, явно намекая на отсутствие нужных изгибов в теле моей знакомой, а я все так же безразлично раскручиваю зонтик, игнорируя летящие в стороны брызги.

- Ладно, - друг капитулирует, становясь серьезным. - Понял, больше никакого смеха.

- И не вздумай ее смущать, и так трясется, как заяц, - считаю нужным предостеречь Лисицкого, прекрасно зная, с каким удовольствием он подтрунивает над моими подружками. С детства такой - не знает, когда вовремя остановиться, доводя окружающих до белого каления.

- Да что ты! Что я изверг какой-то? Она и так в панике, смотри, как коленки подрагивают, - явно преувеличивает, но я решаю не развивать эту тему, поскольку Волкова уже устранила последствия непогоды со своего лица и теперь идет к нам, натянуто улыбаясь.

- Впервые в театре? - первым заводит разговор мой друг, и я благодарно выдыхаю. Забираю ее верхнюю одежду и сдаю в гардероб.

- Да. В моем городе театра нет. Только дом культуры, но к нам редко приезжают артисты, - смущенно отзывается девушка, теребя поясок на своей талии. - Так что спасибо за эту возможность, - говорит уже мне, - сама бы вряд ли решилась сходить.

- Тебе понравится, - предлагая ей свою руку, Лисицкий галантно склоняет голову, как верный паж готовый всегда и везде сопровождать свою королеву. - Я Слава, единственный человек на земле способный выдержать общество Громова.

- Разве он настолько плох? - Лиза мешкает пару секунд, но все же принимает предложенную помощь, как-то виновато взглянув на меня.

- Спрашиваешь? Разбалованный заносчивый болван.

- Поговори мне еще, - и сам расслабляюсь, уверенно следуя в зал.

***

Мама, как всегда, в своем репертуаре: картинно прижимает руки к груди, возводит глаза к потолку и, принимая очередной букет, рассыпается в благодарностях, заводя свою любимую песню, что именно ради таких моментов и стоило посвятить свою жизнь сцене. Благодарным зрителям невдомек, что едва за ней закроется дверь гримерки, цветы распихают по старым пластиковым ведрам, оставив умирать в небольшом помещении на втором этаже, мягкие игрушки будут небрежно свалены в кучу, а маска дружелюбия сойдет с лица так же быстро, как этот грим, так тщательно накладываемый ей перед представлением. Человек она тяжелый. Пресытилась всеобщим вниманием, разучилась радоваться мелочам и все чаще сотрудничество с Эвелиной Громовой наводит ужас на известных режиссеров.

- Что за позор! - рухнув на кожаный стул, мать торопливо вырывает шпильки из своей прически. Сбрасывает на пол пузырьки со всевозможными кремами, и что есть силы бьет по выкрашенной в насыщенный синий столешнице. - Эта Иванова бездарность! Чертова кукла с огромными губищами! Забыть текст! Сейчас, когда я такие надежды возлагала на эту премьеру! Ночами не спала!

- Да никто не заметил, - Слава уже не удивляется ее вспышкам, прекрасно зная, какую страсть к драматизму питает Эвелина.

- Не заметили?! В зале полно критиков! Пресса! А эта бестолочь не в силах выдавить из себя пары слов!

Я устраиваюсь на заваленном вещами кресле - изрядно потрепанном, но уже ставшим мне таким родным. В детстве мать часто брала меня сюда: я любил смотреть, как она перевоплощается из молодой красивой женщины в суровую старуху, или мифическое существо, с безобразным вороньим гнездом на голове, любил наблюдать, как она повторяет роль перед зеркалом, то хлопая глазками, то сурово поджимая губы. Когда-то и для меня она была кумиром - яркой звездой на небосклоне, на свет которой хотелось любоваться часами... Когда-то, пока я не стал старше и, наконец, не осознал, что никогда не буду для нее столь же значим, как все эти аншлаги, овации и популярность.

Поэтому и сижу молча, делая вид, что все происходящее меня не касается, словно это не моя мать вопит на весь этаж, грозясь закопать живьем молоденькую актрису, в то время как Лиза, кажется, сейчас упадет в обморок от открывшейся перед ее глазами неприглядной закулисной жизни. Прижавшись спиной к стене, она почти сливается с побелкой, и если бы ни это зеленое платье, ярким пятном выделяющееся на светлом фоне, вполне бы могла и дальше оставаться незамеченной этой фурией, теперь яростно проходящейся гребнем по своим светлым волосам.

- А ты кто? - едва ли не испепеляя взглядом свою преданную фанатку, мама бросает расческу и с жутким скрипом отодвигает стул. Встает во весь рост, уверенно наступая на случайную свидетельницу ее безумия, а девушка уже ищет поддержки во мне, округлив свои глаза, удивительного серого оттенка...

- Лиза, - говорю я, не отрывая головы от своего смартфона, даже не подозревая, что в эту самую секунду Волкова, как никогда, близка к обмороку. - Пересмотрела все твои фильмы и будет тебе очень благодарна, если ты черканешь ей свой корявый автограф на программке.

- Здравствуйте, - пищит Волкова, выуживая из-за спины помятую театральную брошюрку, а я забавляюсь резким контрастом в поведении Эвелины Громовой: в глазах перестает пылать огонь, словно по щелчку пальцев отключились эмоции, оставив после себя безмятежный покой и желание подарить миру улыбку, поэтому-то и уголки ее губ мгновенно поднимаются вверх.

- Лизонька! Здравствуйте. Уж простите мне мою несдержанность, я человек творческий... Где расписаться? - оставив после себя шлейф цветочных духов, женщина возвращается к столу, где перерывает ящики в поисках шариковой ручки. Зуб даю, не найдет. В этом хаосе никому не удастся отыскать желаемое.

- Господи! Ни у кого нет ручки?

- Возьмите, - Славка выуживает из нагрудного кармана свой паркер (подарок отца в честь поступления в вуз) и, подмигнув Лизе, присаживается на подлокотник моего кресла.

- Сейчас начнется, - шепчет, чтоб слышал только я, и прикуривает сигарету, всем видом показывая, что морально готов к десятиминутной пытке.

Я знаю наперед, что произойдет дальше. «Какие картины вы смотрели? Вы слышали, что Козловский снял меня с главной роли, в последний момент заменив на свою любовницу? Не удивительно, что фильм провалился, Павелецкая актриса никудышная!»

- Так приятно осознавать, что молодежь еще смотрит отечественные картины. Сейчас ведь в моде блокбастеры, триллеры, чтоб кровищи побольше! - оставляя размашистые завитушки на бумаге, мама пытается разговорить Волкову.

Я был прав, говорить о собственных достижениях любимейшее занятие моей своенравной родительницы. Уж не знаю, стала ли она такой, познав вкус славы и богатства, или же была такой самовлюбленной с самого детства, но чем старше я становлюсь, тем больше раздражения вызывает во мне ее настойчивое стремление заставлять всех и каждого петь дифирамбы ее посредственному таланту.

- Российские мелодрамы - это ведь кладезь эмоций. Они заставляют сопереживать, окунаться в мир первой влюбленности... Вы ведь согласны со мной, Лизонька?

- Да, - становясь красной, как перезревший помидор, соглашается девушка, бросив на меня странный взгляд. Просит о помощи?

- Вы ведь уже наверняка видели «Объятья страсти»? Как вам?

- Прекрасно. Одна из лучших ваших работ.

- Разве? - заметно погрустнев, мама заканчивает с писаниной и протягивает листочек своей поклоннице. - Признаться честно, мне было скучно. Состав подобрали слабенький. Молоденькие, никому не известные актеры... Хорошо хоть Чернова взяли, с ним на площадке творить одно удовольствие. Вы ведь помните «Реанимационное отделение»? Ох, чудесная была пора!

Эвелина все говорит и говорит, а Лиза становиться мрачнее прямо на глазах. Суетливо бегает взглядом по нашим со Славиком лицам и переминается с ноги на ногу, словно ей невыносимо находиться рядом с народной любимицей. Вот уж не так я представлял себе эту встречу. Встреть я в шестнадцать солиста Limp Bizkit, наверняка прыгал бы до потолка.

- Спасай давай свою подружку, иначе Эвелина живьем с нее не слезет, - доносится уставший голос друга и мне ничего не остается, кроме, как вклинится в их беседу...

***

- Я тебя обманула, - глухо, опустив голову и теперь лишая меня возможности видеть ее лицо, ведь влажные волосы сейчас спадают к ее груди, закрывая от меня наверняка красные щеки. - Я не сморю фильмы с твоей мамой. И до прошлой недели, я даже не знала ее имени.

Я глушу двигатель, впервые чувствуя себя таким растерянным - странное чувство внутри словно предостерегает меня от дальнейших разговоров, заверяя, что это не принесет мне ничего хорошего, но любопытство все же берет верх.

- Вообще, не одного? - странный вопрос, но это первое что слетает с языка.

- Ну, разве что тот сериал про главврача. Осилила пару серий.

- И как?

- Ужасно, - признается честно, и тут же разворачивается, приводя свои локоны в движение: словно пружинки, они приподнимаются и тут же рассыпаются по плечам, в свете уличного фонаря играя теперь переливами - золото, черная бездна и капли растопленного шоколада...

- То есть, мама твоя была неплоха... Можно сказать, на высоте, - Лиза нервно елозит по сиденью, теперь явно не зная, как сгладить эффект сорвавшегося с уст признания, и так отчаянно сжимает в руках свой зонт, что я не могу не рассмеяться.

Пугаю ее своей реакцией, но, уже не в силах остановиться, трясусь от смеха, пряча лицо в сложенных на руле ладонях.

- Брось, Лиз, только не оправдывайся, - успокоившись, решаюсь на откровенность. - Честно сказать, я немного переживал за твое психическое состояние, когда ты написала, что собираешь вырезки с ее интервью. Кто в здравом уме сейчас так делает?

- Света Трофимова, - вызывает еще одну волну неконтролируемого веселья, произнося ни о чем не говорящее мне имя, и теперь и сама еле слышно посмеивается, наконец, расслабленно опустив плечи. - Моя одногруппница. Это для нее я автограф просила.

- Так, почему сразу не сказала, не пришлось бы в театр идти. Я же думал помогу тебе прикоснуться к мечте - увидеть кумира, сделать фото, - недоумеваю я.

- Мне понравилось, правда. И... Я просто очень хотела тебя увидеть, - последнее дается ей с трудом, и она вжимается в кресло, отчего теперь ее глаза скрывает полумрак. А я так оглушен ее откровением, что даже не знаю, стоит ли продолжать этот странный диалог.

Дождь на улице, кажется, не собирается прекращаться, а от дошедшего до меня тайного смысла слов этой шестнадцатилетней девчушки даже в тепле салона я ощущаю каким тяжелым, пропитанным сыростью, становится воздух...

- Лиз, - откашливаюсь в кулак, опасаясь взглянуть на сжавшуюся рядом Волкову. - Где там твоя тетка живет? Поздно уже...

- Да, - отзывается и называет адрес.

- Я все испортила, да? - впервые с того момента, как мы отъехали от театра, Лиза решается заговорить. Через минуту она уйдет, хлопнув подъездной дверью многоквартирного дома, и я, наконец-то, выдохну, избавившись от сковавшего меня оцепенения. Зачем вообще говорить кому-то подобные вещи? Я и не смотрел на нее, как на ту, кто может думать обо мне вечерами, не придавал значения нашей переписке, в то время, как эта неопытная девчонка, кажется, всерьез вознамерилась пустить под откос нашу дружбу. Ладно, не совсем дружбу, но вполне приличное приятельское общение с особой доверительной атмосферой...

- Нормально все. Ты не обязана сходить с ума от маминой игры. Моя бабушка, вообще, принципиально с ней фильмы не смотрит. Говорит, что если увидит, нам придется выколоть ей глаза, потому что ничего хуже игры Эвелины быть не может, - увожу беседу в мирное русло, надеясь на ее сознательность. Не нужны мне сопливые воздыхательницы и, если честно, я начинаю задумываться, что в словах Славы есть доля правды - кажется, я чересчур мил...

- Я не об этом, - отказываясь от протянутой мной соломинки, Лиза отстегивает ремень и садится вполоборота. Смелая - подбородок вздернут, во взгляде легко читается решимость...

- А о том, что ты мне нравишься, - выдает, и все напускное спокойствие как рукой сняло. Наверняка весь путь до теткиного дома уговаривала себя держаться, а вывалив наружу терзающие душу переживания, готова сбежать, вон как вцепилась в дверную ручку.

- Ты мне тоже, - мне не впервой слышать такое от женщин, но такого смущения не припомню. Стараюсь на нее не смотреть, разглядывая тусклый свет фонарного столба через лобовое стекло, по которому как из ведра барабанит дождь. Нужно что-то добавить, ведь так? Пока она не решила, что я влюблен...

- Ты хорошая девушка, Лиза. И я всегда готов тебе помочь с учебой... Или билет в театр достать, если вдруг решишь повторить.

- Но я недостаточна хороша для того, чтобы ты разглядел во мне не просто друга, да? - она опускает голову и начинает теребить пуговки на груди. От вида ее трясущегося подбородка мне становится не по себе. Я только что обидел ребенка - наивного, нежного, ранимого ребенка, набравшегося сил, чтобы обнажить свою душу.

- Хороша, Лиз. И все у тебя еще будет. Уверен, парни будут табунами носиться...

- Мне другие не нужны, - упрямо стоит на своем, судорожно вдыхая воздух.

- Ты плакать надумала? - услышав первый всхлип, настойчиво заставляю ее взглянуть на меня, бережно обхватив пальцами подбородок. Соленые дорожки уже бегут по щекам, и ей приходится безостановочно шмыгать носом, чтобы хоть как-то сдержать нарастающую истерику. Хотелось бы мне смахнуть эти капли с ее ресниц, хорошенько встряхнуть и заставить мыслить здраво. Зачем ей такой как я?

- Я думала, что симпатична тебе... Ты ведь так часто писал, - словно оправдывается за то, что допустила подобную мысль. - С учебой мне помогал...

- И еще помогу, если нужно будет. Мне ведь несложно, - успокаиваю, а она еще больше раздается плачем. Господи, да у меня таких сотни - натура такая, не могу пройти мимо, когда кому-то плохо. Поэтому и подвез ее в декабре, искренне посочувствовав ее переживаниям. Нелепым детским переживания из-за какого-то зачета!

- Глупенькая, ты Лиз. Маленькая совсем.

- А вот и нет! Что вы заладили все: «Ребенок! Ребенок!», - отчаянно жестикулируя, она вырывается из моих объятий и смотрит теперь с такой обидой, что мне вовек не забыть этого взгляда. - Побольше многих знаю, ясно? И что тебя люблю, тоже знаю! А утешать меня не надо! - яростно распахивает дверь, пуская в салон прохладный воздух. Выбирается на слабоосвещенную улицу, тут же становясь мокрой, но словно не замечает, что туфли ее испорчены смешавшейся с грязью водой, платье, выглядывающее из-под наспех наброшенного плаща, насквозь промокло, а от кудрей ничего уже не осталось. Размазывает тушь по щекам, которую, я уверен,

использовала сегодня впервые, и в последний раз награждает меня пылающим обидой взором. Закусывает губы и разворачивается, едва ли не бегом устремляясь к подъезду.

Не помню, как тогда справилась с теткиной дверью, и в лучшем своем состоянии не с первого раза покоряя своей воле злосчастный замок. Я была раздавлена. Опустошена первым отказом, разбившим мое девичье сердце.

Все мы считаем себя особенными, верим, что впервые влюбившись просто обречены на взаимность, и гонимые этой уверенностью порой так нелепо попадаем впросак. Стыдилась ли я своей откровенности? Нет. В шестнадцать еще не умеешь играть и обнажаешь свои чувства без всякого зазрения совести, считая, что это единственно верный вариант на пути к твоему счастью.

Тогда найти свое счастье в объятиях Игоря Громова мне было не суждено. Помню, как сидела у тетушкиного окна, наблюдая за каплями, стекающими по стеклу, и плакала в такт обезумевшей погоде. Моих слез наверняка бы хватило, чтобы стереть с лица земли этот чертов город, в котором я впервые полюбила, узнав на собственной шкуре, как невыносима мыль, что взаимности мне никогда не добиться...

- Поправь мне прическу, - слышу голос ведущего, вокруг которого суетится персонал, и откидываю голову на спинку. Какой высокий потолок в павильоне...

- После рекламы перейдем к обсуждению вашего замужества. Побольше романтических фактов, чаще смотрите в третью камеру. Нам нужен диалог со зрителем, - наставляет меня редактор, всерьез вознамерившись сделать шоу из моей личной трагедии. - Покажем свадебные фото, снимки детей и перейдем к главному. Вячеслав Лисицкий уже за кулисами. Провокационных вопросов не избежать, и обычно я так не делаю, предпочитая живые эмоции, но вас попрошу - держите себя в руках. Никаких побегов из зала, не хочу, чтобы вы сорвали нам эфир.

Ясно, поэтому и киваю, ощущая, как леденеют пальцы. Я знаю, о чем они нас спросят. Мы перебрали со Славой с десяток вариантов развития события, и я не думаю, что канал сможет чем-то нас удивить...

Все тот же голос отчитывает секунды, вынуждая меня вновь напрячься, а Филипп, от постоянного мельтешения которого у меня уже рябит в глазах, на этот раз становится в центре зала, с серьезным видом зачитывая сухой текст эфирной подводки.

Главы 5

Я видела это видео раз двадцать. Последние десять из них - месяца три назад, когда по дороге к метро, проходя мимо журнального киоска, наткнулась глазами на кричащий сенсацией заголовок: «Я не уводила его из семьи!». А на обложке моя лучшая подруга, держащая за руку ни кого иного, как главного предателя моих женских надежд. В стильном костюме, при галстучке... Весь из себя порядочный! И если после нанесенного им удара по моему самолюбию я почти сумела собраться, теперь главной целью ставя перед собой возвращение детей, то счастливая улыбка Петровой выбила почву из-под моих ног. Не помню, как добралась до дома, но одно отложилось в памяти на века - дурацкая песня, которую я пересматривала до черных мушек в глазах, пытаясь отыскать ответ на главный вопрос - за что?

- Вам неприятно? - видимо, заметив мою брезгливую гримасу, Филипп отвлекается от царящей на экране монитора идиллии: Громов целует меня в висок, плавно покачивая в танце мое тело, пока еще никому не известная блондинка поет мне о женской дружбе. Песню она написала сама, и так искренне сдерживала слезы, пока я рыдала на плече своего законного супруга, прикрывая лицо фатой, что мне и не верится сейчас - как она могла от меня отвернуться? Или здесь, на этом снимке у загса, с бутоньеркой из белых пионов на правой руке, разве похожа она на беспринципную искусительницу?

- Да, - что юлить? Если смотрит, пусть знает, что я презираю ее едва ли не больше, чем Громова. Он хотя бы не притворялся, никогда не отрицал собственной слабости перед красивым женским телом. А эта? Выждала и ударила исподтишка, наплевав на все, что когда-то нас связывало.

- Я никогда и представить себе не могла, что могу столкнуться с чем-то подобным, - опускаю голову и теперь разглядываю свои руки. Все так же трясутся, только теперь не разобрать - от страха или от болезненной судороги, сковавшей мою душу.

- Вы не пробовали анализировать? Говорить с ней? - подавая мне стакан воды, Смирнов что-то высматривает в своем планшете, отгибая страницы с уже заданными вопросами. Раньше считала, он импровизирует, придумывая вопросы на ходу, а он вон, готовился, чтобы не дай бог ничего не забыть.

- Разве здесь есть над чем размышлять? Бросьте, человеческую подлость нельзя оправдать ни чем - ни любовью, ни стремлением к хорошей жизни. Ты либо остаешься человеком, либо смешиваешь с грязью то, что кто-то считал в тебе ценным, - отвечаю после маленького глотка и терпеливо жду, когда он отомрет и продолжит свой допрос.

Спустя секунду, отыскав в тексте необходимую информацию, он вновь устремляет ко мне свои глаза, и голос его звучит мягче. Очередной ход, чтобы заполучить мое доверие? «Я твой друг, Лиза, главное, будь откровенна», - словно говорят мне его глаза.

- А какой вы ее знаете?

- Сейчас - подлой и не брезгующей влезть в семью. Как бы там ни было, официально мы еще не разведены. А раньше... Да уже и неважно, я все равно заблуждалась на ее счет, - аккуратно подбираю слова, хоть так и не могу удержаться от маленькой шпильки в ее адрес. Добрую, милую, отзывчивую, веселую Таню Петрову я уже давно мысленно похоронила, и носить цветы на ее могилу - последнее, что я стану делать в эфире популярного канала.

- В своем интервью Татьяна Петрова намекнула, что сами вы ни так просты как кажетесь. Цитирую:« Меня удивляет, когда женщина крутившая роман с другом своего бывшего мужа смеет обвинять меня в своих жизненных неудачах». Вам есть, что на это ответить?

- Разве что у нее больная фантазия?

- Речь ведь о Вячеславе Лисицком?

- Видимо. Потому что ни с кем кроме Славы из окружения моего мужа приятельских отношений у меня не сложилось.

- Тогда, думаю самое время пригласить его в студию. Встречайте: близкий друг семьи Громовых, собственными глазами наблюдавший трагедию супругов. Кого он считает виноватым в распаде семьи и почему лучший друг больше не пускает его на порог своего дома?

Раздается характерная музыка, свет на время приглушается, а как только Слава усаживается в кресло, вновь слепит мои глаза, заливая ярким свечением огромное помещение павильона.

- Здравствуйте, - одернув пиджак, Лисицкий приветливо улыбается журналисту, еле заметно подмигнув мне.

- Вы первым узнали, что брак вашего друга затрещал по швам? - с места в карьер бросается ведущий. Эфир нерезиновый, и он явно не намерен ничего упускать.

- Да, - простой ответ без ненужных пояснений. Все четко и по делу - именно так Слава намерен вести диалог.

- А вам Игорь объяснял причины такого внезапного разрыва?

- Нет. Так что его мотивов я вам раскрыть не могу. Да даже если бы знал, считаю, что это его личное дело, и если он решил молчать, не пуская СМИ в эту сферу своей жизни, мы должны уважать его решение.

- И тем не менее вы приняли приглашение на эфир.

- Да, но лишь потому, что хочу поддержать Лизу. Ни одна мать не должна разлучаться с детьми. Дети - это не оружие в войне, и чем раньше Игорь это поймет, тем быстрее вся эта шумиха уляжется.

- Скажите, а это правда, что именно вы свели их вместе? - вновь уводя разговор от главной темы, Смирнов начинает копаться в моем грязном белье. Он, купидон, да хоть черт лысый - какая разница? Как долго он намерен оставлять на закуску действительно важные вещи? Для чего пригласил сюда политиков и известных адвокатов, способных помочь мне в решении моей проблемы, если только и делает, что выясняет подробности нашего с Громовым знакомства?

- Да, - между тем доносится издалека голос Славы, и в то время как он сухо повествует о нашем с ним знакомстве, я словно проживаю свою жизнь заново: секунда за секундой, минута за минутой - словно мне сейчас двадцать два и вот-вот моя жизнь кардинально изменится...

- Какое? Это, - приложив к себе вешалку с ярко-красным мини, спрашивает Таня, - или это?

Пастельные тона ей идут больше, но прекрасно зная, что в конечном счёте она решит надеть красное, указываю на него. Устало снимаю очку, небрежно откинув их на кровать, и тру переносицу, мечтая как можно быстрее провалиться в сон. Этот день был бесконечно долгим.

- Думаешь? - между тем никак не уймется Петрова, недовольно хмуря брови. Вновь прикладывает к себе нежнейший атлас, встает на носочки и придирчиво оценивает свое отражение. - Когда я уже похудею?

- Когда бросишь есть шоколад по ночам. Успокойся уже и перестань мельтешить перед глазами. Мы обе знаем, что наденешь ты именно его.

- Я должна всех сразить!

- Тогда иди так, - киваю на ее тело, прикрытое лишь кружевным комплектом белья, и откидываюсь на подушку, с блаженной улыбкой вытягивая ноги.

Квартира у меня небольшая. Студия со свежим ремонтом, но с минимальным набором мебели: кровать, шкаф и стул, который служит одновременно и журнальным столиком, и рабочей зоной. Негусто, зато сама себе хозяйка - никакой зависимости от настроения соседки, вещи не разбросаны по полу, как в жилище моей тетки, и единственная головная боль - хозяин, зачастивший со своими внезапными проверками. Ходит с важным видом по тридцати квадратам,

но так и не найдя к чему придраться, уходит с таким лицом, словно только что съел парочку крупных лимонов...

- Сдурела? Федеральный канал! - смотрит на меня, как на сумасшедшую, и, не дождавшись ответа, возвращается к сумке, из которой торчат ее лучшие наряды.

Петрова любительница кастингов. Готова днями и ночами сидеть в бесконечных очередях дожидаясь, когда же худенький парнишка с внушительным списком имен в руках, наконец, выкрикнет ее номер. Выкладывается, не жалея сил, с наслаждением погружаясь в телевизионную атмосферу, а получив отказ, горько рыдает в голос, орошая подушку своими слезами.

Талант у нее есть - люблю я смотреть на ее репетиции и всегда испытываю гордость, слыша похвалу от членов жюри, но отсутствие музыкального образования, по словам опытных акул шоу-бизнеса, не дает ей использовать его на полную.

- Ты ведь пойдешь со мной завтра? - подруга устраивается в моих ногах, отшвырнув свой сценический костюм, и складывает руки в молитвенном жесте, бесчисленное множество раз повторяя свое «Пожалуйста».

- Я, правда, не смогу. У меня заключительный этап, ты же знаешь. Если не приду, место отдадут кому-то другому, - с сожалением смотрю в потухшие голубые глаза, судорожно пытаясь отыскать в голове выход. - Лучше Федьку возьми!

- У него работа, - становясь мрачнее тучи, Петрова вытягивает из-под меня покрывало, чтобы устроившись рядом со мной на подушке, обмотаться им с головой. Плакать она не будет, знаю ее как свои пять пальцев, но до глубокой ночи я обречена слушать ее полные разочарования вздохи.

- Пообещай, если освободишься пораньше - придешь.

- Обязательно.

- И если я провалюсь, поклянись больше никогда меня туда не пускать, - почти шепотом, выглядывая из-за своего укрытия. - Найду работу в офисе и перестану маяться ерундой. Зря, что ли, диплом получала?

- А как же мечта?

- К черту эти мечты, когда есть нечего. Если б не Федька, с голоду бы умерла... Буду, как все: дом-работа, работа-дом. Станем на свадьбу откладывать, потом и о жилье подумаем, не все же по съемным квартирам кочевать. Так что это мой последний шанс, Лизка.

- Ладно, - соглашаюсь, и устраиваюсь поудобнее, подложив ладошки под щеку. - И потом, ты можешь рассылать свои записи по продюсерским центрам.

- Могу, только, кажется, никому они не нужны.

- Да, брось, это только начало пути. Возьмешь небольшую передышку и вновь ринешься в бой. И кто знает, может, завтра тебе повезет. Вдруг в этот раз в комиссию затесался нормальный дальновидный человек. Я знаю, у тебя обязательно получиться, - подбадриваю ее сквозь сон и тут же отключаюсь, на несколько часов освобождая голову от тягостных дум по поводу Таниного конкурса и собственной карьеры, которую до сих пор так и не успела начать.

Два долгих месяца после выпуска, а найти свое место в этом огромном городе мне так и не довелось. Работать в банке - скучно и бесперспективно, когда все хлебные места уже давно заняты другими, небольшие конторки, владельцы которых готовы оторвать меня с руками и ногами, едва завидят мой красный диплом, предлагают настолько мизерный оклад, что он не покроет даже аренду жилья, а крупные корпорации не спешат связываться с неопытными выпускниками... Завтра - великий день. Если я выдержу собеседование с владельцем небольшой, но довольно успешной фирмы, одной головной болью станет меньше...

***

Утро врывается в мою жизнь трелью телефонного звонка и палящими лучами солнца, проникающими в комнату сквозь тонкий тюль, колышущийся от ветра. Танька уже не спит,

разглядывая потолок над своей головой, шевелит губами и беззвучно напевает себе под нос. Покрывало сбито к ногам, вещи все так же разбросаны, а на часах уже начало восьмого.

- Я кофе сварила. Отвратный, - все так же не двигаясь, сообщает мне девушка.

- Отлично. Ничто так не бодрит, как отвратительный завтрак. Почему до сих пор лежишь? Ехать часа два, не меньше, - стараясь не наступить на ее барахло, аккуратно пробираюсь к шкафу. Выуживаю из глубин своего гардероба строгую персиковую рубашку, и бегло глянув на улицу, заменяю приготовленные брюки на юбку-карандаш. Надеюсь, в этом я буду выглядеть достаточно солидно, чтобы, наконец, обзавестись заветной записью в трудовой.

- У меня ритуал. Открываю чакры, освобождаю голову от всего дурного и повторяю текст. Не занимай ванную.

- Как скажешь, - ухмыляюсь такому наглому захвату моей жилплощади, и торопливо оставляю ее наедине со своими переживания.

Протираю ладонью запотевшее зеркало и придирчиво оцениваю смотрящую на меня девушку. Серые глаза, смуглая от загара кожа, мокрые волосы, небрежно заброшенные за спину, доходящие мне до лопаток, губы, прямой аккуратный нос - все как у всех. Превращение гадкого утенка в белый лебедь - выдумки детских авторов. Не стала я роковой обольстительной, перешагнув через черту совершеннолетия. Просто научилась работать с тем, чем наградила меня природа. Четыре года назад дала себе обещание сделать все, что от меня потребуется, чтобы окружающие перестали видеть во мне неразумное дитя, и по сей день продолжаю бороться с собственным отражением.

- Я буду держать за тебя кулачки, - крепко обняв взволнованную Петрову у подъезда, бросаю ей на прощание.

- И я! Сразу этого большого босса своим интеллектом, - Таня бегло целует меня в щеку и быстро прыгает в такси, прижимая к груди внушительную сумку со всем необходимым для выхода на сцену.

Волнуется, и даже не пытается этого скрывать, прекрасно зная, что рядом со мной ей претворяться не нужно. Сколько раз я подставляла ей своей плечо, после очередного провала и сколько раз твердила, что на небосклоне еще обязательно зажжется звезда с ее именем? Ведь человеку нужно, чтобы в него кто-то верил, так почему бы не мне вселять в нее эту уверенность? Тем более что и сама я не раз изливала душу, устроив щеку на ее внушительном бюсте. Отказ Игоря Громова, который так долго напоминал о себе ноющей болью за грудиной, бессонные ночи перед сессиями, нервная дрожь на защите... Если и есть что-то, что навеки останется незыблемым, то это наша дружба - крепкая, нерушимая и проверенная годами.

- Куда она опять, - заставляет меня подпрыгнуть на месте голос соседки, уже устроившейся на лавке в тени разросшихся берез. - Опять, что ли, в телевизор ее потянуло?

Женщина шуршит бумажным кульком, отправляя в рот тыквенные семечки, и без малейшего зазрения совести бросает на землю очистки. Я улыбаюсь и подхожу ближе, совершенно уверенная, что пара минут в запасе у меня все же найдется. Недаром же я так рано вышла.

- Ага, - провожу ладонью по лакированному дереву скамьи и, убедившись, что не заляпаю свою юбку, уверенно сажусь рядом.

- Где на этот раз ее искать? - не скрывает усмешки Людмила Алексеевна, делясь со мной своей провизией. Милая бабулька так любит почесать языком, что знает поименно каждого жильца двух ближайших подъездов.

- На этот раз канал федеральный.

- Смски будем слать? - подмигивает, пихая меня локтем, и тут же становится серьезной, отвлекаясь на свою старую, перекормленную болонку, уже развалившуюся в подсохшей луже. - Да что ж такое, Бети! Житья с тобой нет!

- Ну, если отбор пройдет, то, думаю, и до СМС доберемся. Волнуюсь за нее очень, - я не брюзга, но все же не могу удержаться и отодвигаюсь подальше от перемазанной песком Беатрисы. Не хватало еще явиться на собеседование в пропахшей псиной и перегноем одежде...

- Да что за нее переживать, такая без мыла везде залезет. Лучше скажи, куда ты так нарядилась? - отнюдь не по-женски сплюнув себе под ноги, старушка с интересом разглядывает мою шифоновую блузку.

- На собеседование. Так что пожелайте удачи, а то я уже отчаялась найти себе приличное место. Еще неделя и я соглашусь танцевать у шеста.

- Пфф, кто тебя к шесту пустит? Там кости не в цене. Вот Танька твоя могла бы прославиться, все данные для этого есть, а с твоим ростом, разве что пиво в баре разносить! - смеется, хотя ее кряхтение больше похоже на кашель заядлого курильщика.

- А рост в этом деле не главное. Главное, фигура и чувство ритма, - на цыганский манер поведя плечами, еще больше раззадориваю соседку. - Лучше скажите, как я выгляжу?

- Как куколка! Бети! - кричим в один голос, когда псина устраивает свои лапы на моих коленках, оставляя после себя внушительные кляксы на голой коже.

- Ну что за бестолочь! Зря я тебя кормлю, лучше бы усыпила - и мне спокойней, и соседи целы.

- Я вытру. И лучше пойду, пока она окончательно не угробила мою юбку.

Бросив влажные салфетки в урну, я, наконец, оставляю двор позади: болонка жалобно скулит, наверняка получив нагоняй от своей справедливой хозяйки, малышня в песочнице, что-то делит, разбавляя собачий вой своими звонкими голосами, а одинокий мужчина с первого этажа уже врубил на всю громкость свой проигрыватель, всерьез веря, что творчество Гарика Сукачева придется по душе жителям старенькой многоэтажки.

Я быстро сливаюсь с толпой, желая как можно скорее оказаться в спасительной прохладе метрополитена, и старательно отгоняю от себя накатывающие волны беспокойства. В этом вся я - знаю, что смогу произвести впечатление, вряд ли завалюсь на вопросах касающихся моих знаний, но постоянно грызу себя множеством «А что если?». И чем ближе приближаюсь к зданию бизнес-центра, поражающему своим блеском и величием, тем больше начинаю переживать, что и в этот раз потерплю крах. Вновь смотрю на часы, забывая о многолюдности московских улиц и столкнувшись с мальчишкой лет пятнадцати, пячусь назад, едва не свалившись на грязный асфальт.

- Вот черт, - бурчу под нос, угодив каблуком в решетку дождевого слива, и зачем-то начинаю оглядываться по сторонам, в поисках желающего прийти мне на помощь. Только кому какое дело до девушки, без устали дергающей ногой, когда стрелки часов приближаются к полудню?

Солнце, еще минуту назад ощутимо припекающее спину, скрывается за невесть откуда взявшейся тучей, и если я как можно скорее не освобожусь, рискую явиться в солидный офис насквозь пропитавшаяся дождевой влагой.

- Да что ж такое! - что есть силы, дергаю ступней и, наконец, блаженно выдыхаю, а опустив голову вниз, уже балансирую на грани истерики - тонкая шпилька моей лучшей пары обуви теперь сиротливо глядит на меня, все так же оставаясь заложницей поржавевших прутьев...

***

- Что? - нервно бросаю мужчине, стоящему позади, от взгляда которого моя кожа начинает зудеть. Хмыкает, продолжая беспардонно разглядывать мое тело сквозь намокший шифон, и не говоря ни слова, достает платок из кармана своего пиджака.

- Мило. Надеюсь, чистый? - злюсь не на него, а на собственную глупость: могла бы посмотреть прогноз и захватить зонт, не умерла бы от тяжести, лежи в моей сумке запасная обувка и уж точно не рассыпалась бы на части, возьми я с собой косметичку.

- Других не держим. Если не секрет, что с вашими туфлями?

- О, это новое веяние моды, - опускаю глаза к своим ногам, уже без прежнего восторга любуясь поблескивающей от влаги обувью, и как ни в чем не бывало делаю шаг к зеркалу, занимающему всю заднюю стену кабинки. - Не поймешь этих дизайнеров, что там у них на уме?

- Если хотите, могу помочь, - брюнет смотрит прямо перед собой, словно и не со мной разговаривает, с трудом сдерживая улыбку. Уверенна, глаза он отводит намеренно - боится не сдержаться и разразиться истерическим хохотом от моего плачевного вида - мокрая блузка, юбка в дождевых разводах и правая лодочка с горделиво задранным вверх носком. - Я про каблук. Он ведь у вас?

- А вы обувщик? - оттирая тушь со своих щек, призываю себя не поддаваться панике. У меня есть пятнадцать минут, и если мне повезет, этого времени вполне хватит, чтобы просушить одежду в дамской комнате.

- Программист. Но с этим справиться и школьник.

Что мне терять?

- Вам на семнадцатый? - желаю удостовериться, наблюдая, как на табло один за другим сменяются этажи, и отыскиваю в своем саквояже злосчастную пластмассу.

- Да.

Едва двери кабинки открываются, являя нашему взору длинный коридор с кожаными диванчиками, беспорядочно расставленными вдоль стен, незнакомец галантно предлагает мне руку. Вкладываю свои холодные пальцы в его теплую ладонь и все же решаюсь его разглядеть: высокий, подтянутый, пахнущий чем-то свежим и до одури приятным. Короткие волосы, на щеках небольшая щетина и, несмотря на дорогой пиджак и серьезную гримасу, его вряд ли можно считать скучным белым воротничком. Солидный, молодой и в отличие от меня совершенно спокойный.

- Давайте-ка посмотрим, - устроив меня на одном из диванов, он приступает к тщательному осмотру моей лодочки. Вертит ее из стороны в сторону, иногда отвлекаясь и посылая мне улыбку, прикладывает отпавшую деталь к пятке и, сведя брови на переносице, интересуется:

- И все-таки, как вас угораздило?

- Мужчины на здешних улицах не очень-то и любезны. Столкнулась с одним и угодила ногой в решетку.

- Он хотя бы извинился?

- Что вы, даже и не заметил, наверное.

- А сюда зачем пришли? - усевшись рядом, он напрочь забывает о своем деле, с интересом меня разглядывая.

- Ищу работу.

- А как же школа? - ухмыляется, наверняка намекая на мой рост - действительно, не выше девятиклассницы.

- Осталась позади. Впрочем, как и институт.

Он зависает, где-то с минуту концентрируя свое внимание на моих глазах, а когда я не выдерживаю и вопросительно приподнимаю бровь, отмирает командуя:

- Снимайте второй.

- Боитесь без примера не разобраться, куда крепиться каблук? - доверчиво протягиваю ему уцелевший, с беспечным видом отвлекаясь на строгий интерьер этажа.

Любуюсь панорамными окнами, даже со своего места восхищаясь открывающейся взору красотой: город словно на ладони, а уж если подойти ближе... Вот где она жизнь - кипит под ногами могущественных бизнесменов, любующихся величием Столицы с высоты птичьего полета...

- Что вы делаете? - заслышав характерный хруст, ступаю голыми ногами на не самый чистый, несмотря на блеск, кафель, и возмущенно выдыхаю воздух, глядя на разворачивающееся на моих глазах безобразие.

Такой улыбчивый и дружелюбный минутой назад человек, сейчас как ни в чем не бывало удерживает пальцами мои изувеченные башмачки.

- Ты варвар!

- А что прикажешь делать? - вкладывая в мою ладонь каблуки, теперь не кажущийся мне таким приятным мужчина не скрывает озорных огоньков в своих глазах. - Не придется хромать. Скажешь, что это новое веяние моды. У тебя довольно неплохо выходит, я вот почти поверил.

- Шутишь, да? Боюсь представить, как ты обращаешься с компьютерами, - и не думаю благодарить, натягивая изуродованную обувку. Теперь мне приходится задирать голову, чтобы взглянуть в лицо этого вандала - я с трудом достаю ему до груди. Возмущенно хлопаю глазами, не зная, чего хочу больше - воткнуть каблук ему в голову или, наплевав на собственную гордость, поскорее явиться на собеседование. Оставить позади весь этот кошмар, и больше никогда не вспоминать, ни эту чертову решетку, ни этого обманщика, к которому успела проникнуться доверием.

- Мой тебе совет, не предлагай помощь в том, что тебе не под силу! - тычу указательным пальцем ему в грудь, привстав на носочки.

- Будь у тебя клей, я бы, пожалуй, справился. А так, чем мог, тем помог. Спасибо можешь не говорить.

- И не собиралась! - разворачиваюсь, чувствуя себя скоморохом, которому для полноты образа не хватает лишь колпака на голове и, не зная, куда повернуть, вновь возвращаюсь к новому знакомому.

- Где здесь туалет? - как можно выше задрав подбородок, бросаю брюнету.

- В конце коридора. Твоя дверь справа. И если это тебя успокоит, тебе очень идут эти тапки.

- Издеваешься? Чтобы ты понимал, через десять минут у меня собеседование. Решающее! А из-за тебя я похожа на шута!

- Ну, не я же виноват...

- Да, - жестом останавливаю незадачливого альтруиста, прекрасно зная, куда он клонит, - но второй доломал ты. Так что прости, до конца своей жизни я буду винить именно тебя в том, что упустила эту должность!

- Да, брось, уверен, никто и не заметит, - кричит мне вдогонку мужчина, уже не скрывая веселья, а я не могу придумать ничего лучше, как показать ему средний палец на прощанье. Глупо, да и успокоения мне это так и не приносит. Мужской смех за спиной лишь усиливается, а в груди уже разрастается предчувствие - ничего хорошего этот день мне не принесет.

Меня поднимут на смех, и, не задав ни единого вопроса, отправят восвояси, отдав место кому-то более подготовленному и везучему. И мне ли винить руководство, если я не в состоянии дойти без приключений до кабинета начальства?

Добравшись до уборной, я, не теряя ни секунды, стягиваю с себя блузку и, подставив под сушилку влажную ткань, придирчиво рассматриваю свое отражение. Волосы, пусть и мокрые, но все так же аккуратно собраны на затылке, ресницы склеены, но от этого взгляд стал лишь выразительней, немного помады, конечно, не помешает... А что касается юбки - вполне можно счесть что эти темные пятна часть декора. Не для того я проделала этот путь, чтобы сдаваться из-за чертовых каблуков! Торопливо застегиваю пуговицы на груди, заправляю материю под холодную липучую юбку и решительно двигаюсь навстречу судьбе. Одно я теперь знаю точно, заводить знакомства в лифте не мое...

Глава 6

- Привет, - я неловко пожимаю плечами, застыв на пороге Таниной квартиры - просторной комнаты в коммуналке на окраине города.

Старые выцветшие обои, круглый стол на резных ножках, за который моя тетка наверняка продала бы душу, питая необъяснимую тягу к антиквариату, шкаф с лакированными дверками, внушительное бра с тряпичным абажуром в центре комнаты, и ковер, с годами потерявший насыщенность красок и теперь брошенный новыми хозяевами под ноги. Раньше он висел на стене, в которой до сих пор торчат гвозди с поржавевшими крючками.

Мне и спрашивать не нужно, как прошел кастинг - красные глаза подруги и мокрые дорожки на ее щеках говорят куда красноречивее слов. Очередная неудача, самая болезненная для Петровой, с чего-то решившей, что эта попытка станет последней.

Девушка отступает, позволяя мне войти внутрь, и прежде чем ее сосед в сальной от грязи и пота тельняшке заплетающимся языком просит занять полтинник, с грохотом захлопывает дверь перед его носом. И это не способ выместить свою злость на весь белый свет, не попытка спустить пар, а острая жизненная необходимость - дверная коробка настолько износилась, что иначе об уединении можно и не мечтать.

- Чего ты такая? - шмыгнув носом, пятится подруга, позабыв о собственных горестях. Морщит свой лоб, прикусив нижнюю губу, и наверняка ломает голову, что же могло со мной приключиться.

- Там ливень, а я, как назло, не взяла зонтик. Дашь мне полотенце? - стягивая с себя импровизированные балетки, насквозь промокшие и теперь совершенно непригодные для носки, даже если лучший сапожник города возьмется за их реставрацию, с мольбой гляжу в голубые глаза блондинки.

Таня мгновенно оживает и уже выдвигает ящик бельевого комода, в попытке отыскать для меня сменку, пока я торопливо расстегиваю пуговки на своей рубашке, желая как можно скорее избавиться от холодной одежды. Вряд ли когда-то я захочу надеть ее вновь.

- Бери, - протягивая мне махровый халат и пару теплых носков, устало командует девушка, присаживаясь на подлокотник дивана. Обнимает себя за плечи и вымучено улыбается, наблюдая за тем, с каким удовольствием я кутаюсь в мягкую пушистую ткань. Чуть дольше задерживает свой взгляд на моих волосах, сосульками спадающими на лицо, и все-таки произносит:

- Я все испортила, Лизка. Не быть мне теледивой, - голос ее дрожит, а пальцы крепко впиваются в рукава толстовки. Нет большего потрясения, чем осознать, что дело, которому ты посвятила всю свою жизнь тебе не по зубам.

- Какие твои года? Кто-то становиться известным после сорока, а ты в двадцать четыре крест на себе ставишь, - говорю как можно жизнерадостней, успев развесить свое влажное барахло на батарее, и достаю чашки для вскипевшего чая. В минуты слабости и бессилия Таня напрочь забывает о гостеприимстве, впрочем, мне ли ее судить? Не улыбнись мне сегодня удача, я бы, пожалуй, не один вечер предавалась самобичеванию, в конечном итоге наплевав на ежедневные хлопоты.

Я передаю подруге дымящуюся кружку и, не сдержав стона удовольствия, отпиваю горячий напиток. Удивительно, как быстро тепло распространяется по моему телу, помогая почувствовать себя лучше.

- Как собеседование?

- Никак, - выдаю, отправляя в рот ложку малинового варенья, и тут же улыбаюсь. - Но место мое!

Хотелось бы мне радостно подпрыгнуть и кружить по комнате, бросая в потрескавшийся потолок стократное «спасибо», но здравый смысл все-таки берет верх. Не в моих правилах ликовать, когда близкий на глазах рассыпается на кусочки, совершенно не представляя, что делать дальше.

- Умеешь ты нагнать жути! - Петрова пихает меня в плечо, успев не на шутку испугаться, что и я сегодня осталась не у дел.

- Я так и не встретилась с этим Лисицким. Провозилась в туалете, пока сушила рубашку, а когда влетела в приемную, секретарша сказала, что я опоздала. Думала, умру от разрыва сердца! - я передергиваю плечами, вспоминая, как успела похоронить свои мечты о престижной работе.

- В общем, думала все, но эта дама в очках велела мне зайти в отдел кадров. Так что с понедельника выхожу.

- С чего бы это? Если с начальником ты так и не встретилась? - не может скрыть своего удивления блондинка, замирая с поднесенной к губам десертной ложкой.

- Кто их знает? Может, остальные кандидаты главного не впечатлили? Мне без разницы! Единственное о чем я думаю, так это о том, что о поисках работы, наконец, можно забыть.

Если жестокая инквизиция моих лодочек была воспринята вселенной, как акт жертвоприношения, я вполне готова смириться с гибелью любимых туфель, в результате обретя долгожданное место в солидной фирме.

- Счастливая, - с завистью взглянув на меня из-под пушистых ресниц, Петрова выдает тяжкий вздох. Пожалуй, самый громкий и протяжный из всех, что я когда-либо от нее слышала. Я отставляю кружку, и делаю то, что умею лучше всего: пододвигаю свой стул к подруге и обнимаю за плечи, устраивая голову на ее плече. Она, как и всегда, пахнет ванилью, немного табаком, ведь наверняка не удержалась и все-таки выкурила сигарету, стянутую у ни о чем не подозревающего Федора, и что самое горькое - разочарованием, тяжелым облаком окутавшим ее ссутулившуюся спину и теперь витающим вокруг нас.

***

Мне дали три дня. Я подготавливала себя морально, немного опасаясь, как вольюсь в коллектив, наверняка разношерстный по возрасту и взглядам на жизнь. Это все же не вуз, где все на равных, и начинают свое соперничество многим позже, чем успевают обзавестись парой-тройкой добрых знакомых. От волнения, я позабыла сон, оставив в своем рационе лишь плиточный шоколад и килограммы песочного печенья. Уплетала за обе щеки сладкое, и листала свои конспекты, всерьез вознамерившись освежить знания. Раз за разом перечитывала лекции, пока случайно не наткнулась на общую тетрадь, исписанную чужой рукой. Сердце пропустило удар, а пальцы уже поглаживали глянцевую обложку с изображением красного байка на фоне огненного заката. «Игорь Громов» - написано не очень-то и разборчиво, но мне ли не знать, кто владел ею до меня?

Сейчас и не знаю как сложилась его жизнь, но не на секунду не сомневаюсь, что об угловатой первокурснице, размазывающей тушь по щекам, он никогда не вспоминал, прекрасно обходясь все эти годы без ее глупых сообщений и краснеющих щек. Но даже осознание собственной ненужности не мешает моему сердцу ускорить свой ритм, когда память услужливо выпускает на поверхность те крохи, что я все же успела сохранить в душе: трепет, окутавший меня в ту секунду, когда парень прижимал меня к груди, желая остановить поток слез, орошающих мои щеки, волнение, что я испытывала, собираясь на премьеру спектакля, и восторг, непременно охватывающий меня всякий раз, когда я получала очередное послание от Гоши. Первая любовь не забывается, и в этом заключается ее прелесть: несмотря на плохой конец, вспоминаешь о ней с каким-то необъяснимым теплом...

- Здравствуйте, - здороваюсь с администратором и демонстрирую свой пропуск крупному охраннику, который беззвучно кивает, сохраняя каменное выражение на квадратном лице, и едва ли не бегу вприпрыжку к лифтам, ощущая, как от радостного предвкушения потеют ладошки. Примыкаю к кучке таких же как и я офисных клерков, незаметно разглядывая каждого, и украдкой касаюсь волос, сегодня, как никогда, аккуратно уложенных в строгий пучок.

- Вижу, собеседование прошло на ура, - слышу позади себя, но не сразу нахожусь с ответом. Я все еще витаю в облаках, осознавая, что говорят именно со мной лишь тогда, когда плечо мое задевает тот самый добряк, вызвавшийся помочь с починкой каблука. Теперь это наше неизменное место встречи?

Повернувшись к высокому брюнету, только сейчас замечаю, насколько он хорош собой, и искренне радуюсь, что все же не зря встала так рано, тщательно поработав над собственной внешностью, больше не желая попадать впросак. Я даже взяла дождевик, не доверяя опытным синоптикам, обещающим теплый солнечный день.

- Не то слово, - улыбаюсь против воли, не в силах скрыть собственной радости. - Так что, спите спокойно. Обвинения с вас я снимаю.

- Приятно слышать, а то бессонница меня порядком замучила, - галантно указывая мне рукой на раскрывшиеся створки уже порядком заполненного трудягами лифта, мужчина предлагает мне войти первой. - Сегодня хоть без эксцессов? Или взяла запасную пару?

- Взяла. Но надеюсь, они мне не пригодятся. Я все-таки не такая неловкая, как вам могло показаться.

- Тебе. Мне казалось, мы перешли на ты?

- Разве? Когда?

- В ту самую секунду, когда ты размахивала средним пальцем перед моим лицом. Это, знаешь ли, сближает, - отсмеивается программист, а на меня накатывает стыд. Горячей волной миллиметр за миллиметром окрашивает мои щеки в пунцовый цвет, и даже прохладные пальцы не помогают унять жар пылающих щек.

- Прости. Это было ужасно.

- Разве что только немного. И наверное, ты была права, с методами я погорячился. Могу возместить убытки, - не знаю, говорит ли он серьезно, но лишь отмахиваюсь от его предложения, беспечно качнув головой.

- Будем считать, что мы квиты? Я забуду о совершенном тобой акте вандализма, а ты пообещаешь никому не рассказывать, что я повела себя как школьница, - прижимаюсь к нему, пропуская вперед пожилого мужчину, и чувствую, как он неосознанно устраивает руку на моем животе, придерживая за талию.

- Об этом можешь не переживать. Не думаю, что проболтаюсь, - странно ухмыляется, когда я отстраняюсь, и достает из кармана мобильный. - У тебя сегодня первый рабочий день?

- Да, - гордо приподнимаю подбородок и расправляю плечи, наверняка святясь, как медный пятак. - И я дико волнуюсь. Через десять минут у меня встреча с генеральным, и я всерьез жалею, что не запаслась валерьянкой.

- Расслабься, он нормальный мужик. Уж точно не съест, - успокаивает меня незнакомец, засовывая руку в карман.

Дальше мы едем молча - я гипнотизирую табло с быстро сменяющимися цифрами, то и дело отступая, чтобы не мешаться под ногами собравшимся на выход людям, а брюнет что-то выглядывает на экране своего смартфона. Сегодня на нем серый костюм и рубашка, на несколько тонов светлее пиджака, на лице никакого намека на щетину - щеки гладко выбриты, и пусть видела я его лишь раз, все же нахожу этот факт досадным. Щетина ему идет больше. Да и не вяжется его солидный образ с выбранной им специальностью - разве не должен он быть долговязым, нелюдимым безумцем, подобным тем, кто одержим программными кодами?

- Не считаешь, что это странно? - выхожу из лифта и семеню следом за единственным человеком в этом огромном здании, с которым успела установить хоть какой-то контакт. Длинный коридор с множеством дверей, за каждой из которых через пару минут закипит работа, и победный цокот моих шпилек, уверенно несущих меня на встречу с начальником, заставляют мое сердце радостно трепетать в груди. - Мы сталкиваемся уже дважды, и если не брать в расчет мои бедные лодочки, довольно мило беседуем, а я до сих пор не знаю твоего имени.

- Слава, - одарив меня широкой улыбкой, он старается идти медленнее, чтобы мне не приходилось бежать. - Только на людях ко мне так не обращайся.

- Это еще почему? - не могу сдержать любопытства, но тут же перевожу тему, заинтересованно разглядывая таблички на дверях. - Здесь буфет?

Я указываю пальцем себе за спину, отчетливо слыша звон посуды, но не решаюсь остановиться и заглянуть внутрь. Не зря же судьба уже дважды посылает мне этого брюнета? Пусть с ролью сапожника он не справился, но побыть моим гидом, думаю, сможет.

- Комната отдыха. На первом этаже есть большое кафе, думаю, все обедают там.

- Думаешь? Сам ты не ешь? Или из дома приносишь?

- Вроде того, - смеется, явно не собираясь передо мной отчитываться, и останавливается у дверей приемной. Ему тоже назначено?

- Не забудешь?

- О чем? - не совсем понимаю Славу, и впервые отмечаю, что что-то от программиста в нем все-таки есть... Вон как странно поглядывает.

- Про субординацию, - говорит и смело открывает дверь, ожидая, пока я войду.

- Вам же сюда, Елизавета Борисовна?

- Откуда? - единственное, что могу выдавить из себя, машинально переступая порог, и сразу же чувствую на себе взгляд все той же неразговорчивой секретарши в круглых нелепых очках с толстыми стеклами, на прошлой неделе сумевшей за две минуты вызвать во мне целый спектр живых эмоций. Женщина тут же оживает, складывая бледно-розовые губы в улыбке, но внутренний голос уже настойчиво подсказывает, что радуется она вовсе не мне...

- Вячеслав Андреевич, - кивает моему сапожнику, привстав со своего нагретого стула и, слава богу, не замечает, как я растерянно присаживаюсь на подлокотник кресла. - В двенадцать у вас встреча с Лихачевым. Он настоятельно просил не опаздывать.

- Помню, - мгновенно став серьезным, мой спутник замирает у стола, бегло взглянув на документы, собранные помощницей в аккуратную стопку. Отвлекается, видимо, вспомнив о моем присутствии, и незаметно для пожилой дамы, уже бросившейся к кофемашине, подмигивает, кивая на свою дверь. Позолоченная табличка с фамилией генерального мгновенно притягивает мой взгляд, а при виде инициалов я забываю, как надо дышать...

- Проходите, - Слава же, кажется, абсолютно спокоен и лишь потешается над моим растерянным видом.

На негнущихся ногах я следую за этим мужчиной, сумевшим обвести меня вокруг пальца, и замираю истуканом посреди его огромного кабинета. Предпочитаю смотреть куда угодно, лишь бы не видеть насмешливых глаз своего работодателя: сначала изучаю глянцевый серый стеллаж, за непроницаемыми дверками которого наверняка скрываются всевозможные папки, безразлично веду глазами по стеклянной поверхности письменного стола с включенным ноутбуком, пестрая заставка которого отражается в окне за спиной владельца, и отворачиваюсь к дивану, настолько белому, что начинаю сомневаться, что на него, вообще, кто-то когда-то садился...

- Удивлена? - беззаботный и абсолютно спокойный Лисицкий, присаживается на краешек столешницы, не на секунду не сомневаясь, что она его выдержит. Расстегивает пиджак, и прячет руки в карманах брюк - спокойный, расслабленный. В отличие от меня.

- Немного, - вру, расправляя плечи, теперь не зная, как себя с ним вести. С парнем из лифта, представившимся программистом, общаться мне было комфортнее. - Но теперь понимаю, почему получила эту должность. Решили искупить вину за отломанный каблук?

- И не думал. У тебя прекрасное резюме...

- С отсутствием опыта, - перебиваю, мгновенно смутившись собственной наглости.

- Зато с подающим надежды на будущие свершения дипломом. Я окончил тот же вуз, поэтому доверяю твоему табелю. Присядешь?

Я послушно устраиваюсь на стуле, подобно прилежной ученице, сложив руки на коленках, и терпеливо жду, пока он обойдет стол и усядется напротив.

- Станете гонять меня по экономическим терминам? - нервно тереблю трикотажную ткань, гадая, для чего, вообще, он сегодня вызвал меня к себе. - Или решили позабавиться над тем, как я сгораю от стыда?

- А тебе есть чего стыдиться? - Лисицкий приподнимает бровь, придвигаясь ближе к столу.

- Я показала вам средний палец, назвала варваром и, если честно, хотела воткнуть свой каблук вам в лоб. Этого мало для угрызений совести?

- Разве мы не решили забыть о том случае? И когда мы вдвоем можешь не выкать.

- Не могу. Субординация, - вызываю у него улыбку, все еще не отойдя от шока. - Так зачем вы меня позвали?

- Хочу предложить тебе новую должность. Елена Юрьевна, - видимо, говорит о своей секретарше, иначе, зачем кивает на дверь, за которой устроилась его помощница, - дорабатывает последнюю неделю, и я буду рад, если ты согласишься занять ее место.

- Я бухгалтер. Не секретарь, - отрицательно качаю головой, даже не думая соглашаться. Не для того я пять лет грызла гранит науки, чтобы виртуозно заваривать кофе для лощеного босса.

- Знаю, и считаю, что тебе будет полезен этот опыт. Ты явно не из робкого десятка, молода и амбициозна...

- Поэтому никогда не соглашусь тратить свое время на сортировку почты. Мне нужен стаж. Три года, чтобы сдать квалификационный экзамен.

- Хочешь стать аудитором? - перебивает, доставая из ящика какую-то папку.

- Да. И не хочу терять свое время понапрасну. С таким же успехом, я могла бы устроиться официанткой - поверьте, в Москве оставляют неплохие чаевые.

- Тогда взгляни на это иначе? Вникнешь в дела фирмы, будешь присутствовать на важных сделках, получишь возможность изучить специфику производства изнутри. Если сработаемся, и ты получишь аттестат, обещаю рассмотреть твою кандидатуру на должность внутреннего аудитора.

- А вам это зачем?

- Затем, что я доверяю своему чутью. Ты ведь отличница по природе, другая бы никогда не решилась явиться к начальнику в помятой рубашке и дырявых башмаках. Женщины уж слишком пекутся о своем внешнем виде, предпочитая сражать мужчин собственной неотразимостью, нежели стремлением к покорению новых высот. Но не ты. Плевать на все, если от этого зависит будущее, так? А я ищу именно это. Думаешь, почему мой секретарше пятьдесят семь? - задает свой вопрос, но не дает и рта раскрыть. - Потому что она не станет строить глазки, а лучше займется делом.

- Теперь я чувствую себя ущербной, - нервно хихикаю, ведь в двадцать один услышать нечто подобное, удовольствие не из приятных. Я все-таки молода, и не прочь словить парочку восторженных взглядов...

- А зря. Мне нужны мозги. Свежая кровь и желание расти.

Я опускаю голову, взвешивая все за и против, а только что обсуждаемая нами Елена Юрьевна уже расставляет на столе посуду - белый керамический чайник, от которого исходит фруктовый аромат, и две небольших чашки, в одной из которых уже налит крепкий только что сваренный кофе.

Глава 7

- Они встретились на моем дне рождении, - Слава поправляет микрофон, прицепленный к пиджаку, и спокойно обводит взглядом зал. Чуть дольше задерживается на полысевшем и отъевшемся адвокате, в числе еще четырех гостей, явившемся сюда для очередного пиара, и возвращается глазами к ведущему. Знаю, о чем он думает - я рисковала, принимая предложение редактора, ведь мне никто не обещал, что Егоров - один из самых востребованных юристов страны, окажется в числе приглашенных.Я вытянула счастливый билет, пусть и таким странным способом, добившись его внимания, и теперь Лисицкий наверняка не считает мою затею прийти на телевидение такой безумной. Он один из немногих, кому известно, как настойчиво я пробивалась на прием к Юрию Станиславовичу, неделями обивала пороги его конторы, но так и не сумела добиться его внимания. У него десятки выигранных дел за спиной, безбедная жизнь и безупречная репутация - простые бракоразводные процессы в семьях бизнесменов наводят на него скуку, а я, по его мнению, очередная, ничем не отличающаяся от других охотница, решившая отхватить кусочек от огромного пирога...

Я словно и не замечаю огромной бородавки под его носом, блестящей лысины и внушительного брюха - для меня он бог, идол, которому я готова поклоняться и целовать ноги, не видя спасения ни в ком, кроме этого, умудренного опытом человека. Если Егоров только согласится протянуть руку помощи, я смогу вновь обнять своих детей и позабыть этот кошмар, растянувшийся на долгие месяцы, лишенные звонкого детского смеха. Хотя, кого я обманываю? Подобное не забывается - это навеки останется в кошмарных снах, преследующих по ночам, в мыслях, над которыми я не властна и вряд ли смогу запретить им приходить в мою голову так часто, как им того захочется.

Игорь хотел меня уничтожить, заставить себя презирать, ударить меня побольнее, но он даже не подозревает, что этот выстрел стал контрольным. Я отчаялась - от меня прежней ничего не осталось, и чем дольше я буду позволять мужу считать себя победителем, тем больше рискую потерять веру в лучшее, наблюдая за его довольной физиономией.

- Что вы испытали, увидев свою первую любовь спустя четыре года? - Смирнов оставляет Лисицкого в покое, вновь вовлекая меня в разговор.

- Удивление, - вряд ли в одно слово можно уместить тот фейерверк, что взорвался внутри меня, едва Громов опустился на стул. Помню, как он над чем-то смеялся со Славой, наградив меня сухим «здравствуйте», а я уже была бессильна перед его магнетизмом - жадно впитывала в себя изменения, произошедшие в нем с момента нашей последней встречи: голос стал грубее, с небольшой хрипотцой, словно он много курит или часто на кого-то кричит; глаза выразительней, с еле заметными морщинками в уголках, и все такие же темные, словно ночное небо перед грозой; плечи шире, и в тот момент их поглаживала статная брюнетка, прильнувшая к его боку.

- Он вас узнал?

- Не сразу, - тру висок, чувствуя, как начинает болеть голова...

***

Зима.

Нет, ничего я не предчувствовала. Этот день обещал стать одним из многих, в череде размеренных будней: утро было обычным, ничем не примечательным и прошло вполне спокойно, без малейшего намека на маячащее на горизонте потрясение. Мягкий январский снег беззвучно падал на шапки прохожих, видимо, даже не думая прекращаться, и к тому моменту, когда я все-таки дошла до бизнес-центра, меховая опушка моего пуховика покрылась тонким слоем снежной крошки. Сбросила надоедливые кристаллики себе под ноги и уверенной походкой проследовала к лифтам, на ходу избавляясь от обмотанного вокруг шеи шарфа.

Звуковой сигнал, известивший меня о прибытии лифта подействовал отрезвляюще - я быстро проскользнула вглубь кабинки, и, забившись в угол, прижала к себе небольшую коробку со свежими пирожными, переживая, что в ставшей уже привычной утренней давке, не смогу донести их до кабинета. Что делать, уставшие к концу недели работники, не слишком-то милы и обходительны в столь ранний час, и то и дело норовят пихнуть тебя локтем, напрочь забывая о приличиях.

- Чего вы так рано? - сбиваюсь с шага, заметив устроившегося на моем рабочем месте Лисицкого. Немного потрепанный, помятый и совершенно невыспавшийся начальник подпирает кулаком щеку и уже не сводит с меня своих внимательных глаз. Еле заметно улыбается, и, молча, следит за моими движениями: наблюдает, как я неспешно снимаю свой пуховик и прячу в небольшом шкафу; словно прикованный, провожает взглядом мою руку, расстегивающую молнию на сапоге, и отмирает только тогда, когда я встаю с кресла, уже нацепив на ноги туфли.

- Вам нужно больше отдыхать. За то время, что я у вас работаю, вы постарели лет на десять.

- Хочешь сказать, я уже не такой привлекательный? - развалившись, он сцепляет руки в замок, и от скуки начинает раскручиваться на моем стуле, запрокинув голову назад и теперь разглядывая потолок.

- А разве вы когда-то таковым являлись? - не могу его не поддеть, торопливо включая технику. До начала рабочего дня осталось десять минут, и я буду не я, если к этому моменту не подготовлю кабинет к плодотворной работе. - Вставайте. Нечего тут кружиться без дела. Приведите себя в порядок, а я сварю крепкий кофе.

- Разве это не противоречит твоим принципам?

- Немного. Но я готова пойти на уступку, - хитро прищурив глаза, ставлю перед ним картонный короб, перевязанный голубым бантом, и отряхиваю ладошки. - В честь праздника.

- А это, значит, подарок? - Вячеслав Андреевич тянется к ленте, не сумев скрыть от меня восторга. Быстро развязывает и снимает крышку, тут же ее захлопывая.

- Шутишь? Я ожидал, что ты подаришь мне блокнот или на худой конец галстук, - разыгрывая недовольство, Лисицкий сводит брови на переносице.

- Вот еще. Вы слишком мало мне платите, чтобы я могла позволить себе покупку дизайнерской удавки. Да и будем честными, вы даже эти пирожные не заслужили.

- Разве? Я дважды давал тебе отгул, и самостоятельно готовлю себе кофе. Чтобы ты понимала, этот факт бьет по моему самолюбию - даже мой заместитель не знает, как пользоваться кофемашиной.

- А вас никто не заставлял, брать меня на должность помощницы. Так что, даже не рассчитывайте, что я испытаю угрызения совести, - роюсь в своей сумке, отыскивая органайзер, и, наконец, заканчиваю приготовления к работе.

- Ладно, тогда, что не так?

- Вы надули меня, - даже не думаю спрашивать разрешения, воруя капкейк из-под его носа. - Я скоро умру здесь от скуки, в то время как вы обещали мне постоянное движение и возможность присутствовать на важных сделках!

Я отхожу подальше, деловито поправляя ворот рубашки, и откашлявшись, настраиваюсь на произнесение речи, пока мой многоуважаемый босс переваривает услышанное.

- Перейдем к официальной части, - вытягиваясь по струнке, цепляю на лицо улыбку. - Дорогой Вячеслав Аркадьевич, в этот прекрасный январский день, хочу пожелать вам удачи в работе, крепкого здоровья, и что самое важное, наконец, научиться воплощать в жизнь каждое бездумное обещание, что когда-либо слетало с вашего языка.

Знаю, что не получу нагоняй за свою прямолинейность, поэтому отвешиваю шутливый поклон, и обойдя стол, вцепляюсь в спинку принадлежащего мне по праву стула.

- Теперь идите. В отличие от вас, деньги в мой карман не падают, если я позволяю себе бездельничать. И сильно не налегайте на сладкое, в вашем возрасте пора бы подумать об уровне холестерина в крови, - дружелюбно похлопываю его по плечу, вынуждая скорее подняться, и с чувством выполненного долга, запускаю необходимые программы. Слава же топчется у двери своего кабинета, продолжая сверлить мою спину взглядом, еле слышно ухмыляется себе под нос, и все-таки щелкает дверным замком.

- Не забудь про кофе, - раздается из селектора, когда я остаюсь одна в просторной приемной, и от звука его недовольного голоса, улыбка на моих губах становится лишь шире. - Только не вздумай меня отравить. Не в день моего рождения.

Ему двадцать восемь. Не знаю, как к своим годам он сумел обзавестись собственным офисом с таким внушительным штатом, но видя, как он ведет дела, не удивляюсь такому успеху. Я слукавила - начальник он замечательный - с первого дня я впитываю каждое его слово как губка, боясь пропустить мимо ушей даже малейшую деталь, осознавая, что в будущем даже она может сыграть мне на руку. И пусть мне немного обидно, что наобещав золотые горы, Лисицкий запер меня в четырех стенах, что-то подсказывает мне - впереди еще масса всего интересного.

Я обвожу глазами помещение, с удовольствием откидываясь на спинку, и немного морщу нос, ощущая нотки мужского парфюма, впитавшегося в кожаную обивку. Отворачиваюсь к окну, до моего появления здесь завешанному тяжелыми портьерами, что мешало наслаждаться уличным пейзажем, и в который раз убеждаюсь, что решение избавиться от пыльного старья было верным.

- Пожалуйста. Две ложки сахара и щепотка корицы, - водружаю поднос перед Лисицким, уже приступившим к насущным делам. - На сегодня все ваши встречи я отменила. Ресторан заказан на семь, приглашения разослала на прошлой неделе. С выступлением вашей любимой группы вышла заминка - у них гастроли и отменить их уже невозможно, поэтому придется обойтись диджеем.

- Мне плевать, - он отпивает глоток и тут же сплевывает обратно, явно не придя в восторг от темной жижи в кружке. - Что за гадость?

- Видите, вам еще повезло, что я не готовлю его ежедневно. С этим аппаратом я плохо лажу. Если согласитесь на чай, принесу через минуту.

- Нет, уж. Отныне я не возьму от тебя даже стакан воды, - не слишком-то и, стесняясь, босс пялится на мою пятую точку, сегодня обтянутую трикотажной бардовой юбкой. Я знаю, что нравлюсь ему - все мои радары уже успели засечь повышенный интерес к отдельным частям моего тела, поэтому оставляю его выходку безнаказанной. Пока в ход не пошли руки, нынешнее положение дел меня вполне устраивает. Да и, не буду лукавить, любой девушке, не отличающейся сногсшибательными данными, польстит внимание такого красивого успешного мужчины, и я не стала исключением.

Я пожимаю плечами, больше не зная, чем еще смогу быть полезной, и без лишних слов водружаю посуду обратно, намереваясь оставить его наедине с бесконечным ворохом бумаг, когда Вячеслав Аркадьевич застает меня врасплох своим внезапным вопросом:

- Сама-то придешь?

- Что-то не припомню себя в списке приглашенных, - касаюсь своих губ кончиком указательного пальца, разыгрываю усиленную работу мозга. - Или я что-то пропустила?

- Некоторых я предпочитаю приглашать лично.

- А Елена Юрьевна посещала подобные мероприятия?

- Нет, но она и не хамила мне. Так что, можешь считать себя особенной, - сообщает будничным тоном, немного смущая меня подобным заявлением. - Воспринимай это как репетицию. На следующей неделе будешь сопровождать меня на благотворительном вечере, я рассчи-

тываю пересечься там с Григорьевским. Поможешь мне его расположить, у тебя природный дар развязывать людям языки.

- Это комплимент?

- Констатация факта - ты так много болтаешь, что не ответить тебе невозможно. Так что? - и не думает отступать, пока в моей голове судорожно крутятся шестеренки. Смотрю на приятного мужчину перед собой, взвешивая все за и против: что я теряю? Крутить с ним роман меня никто не заставляет, да и он непохож на человека, который станет силой принуждать меня к подобному. Почему бы и нет, тем более что на подготовку этого мероприятия я потратила не один день? Киваю, поворачиваясь к дверям, и уже на пороге интересуюсь:

- Я уйду пораньше? Не в этом же мне идти.

***

Буду краткой: не вдаваясь в подробности своего туалета, могу смело заявить, что выгляжу я вполне неплохо. В последний раз проверяю, не испортила ли прическу, и, сделав глубокий вдох, прохожу в зал, стараясь ничем не выдать собственной обеспокоенности. Я никого здесь не знаю и большинство гостей вижу сегодня впервые, поэтому оставаться невозмутимой не так-то и просто. Крепко сжимаю в руках свой клатч, как и любая на моем месте, успевая подметить, что на фоне здешних дам мой наряд немного проигрывает, но даже не думаю расстраиваться, воспринимая это как данность - кто-то рожден для того, чтобы блистать, а кто-то просто жизненно необходим для создания контраста. Улыбаюсь официанту, снимая с подноса шампанское, но не спешу к нему притрагиваться, прокручивая ножку бокала пальцами.

Такой размах я вижу впервые - большинство именин, на которых мне посчастливилось присутствовать не идут ни в какое сравнение с тем торжеством, что решил закатить Лисицкий. Мне ли не знать, сколько денег он потратил на многочисленные закуски, если я лично вносила залог, раз за разом перепроверяя, не напутала ли с меню, стараясь угодить всем требованиям шефа?

- Подарки складываем сюда, - координатор - миловидная девушка в легком бирюзовом платье, которую опять же наняла я, указывает мне на стол в углу, уже заваленный всевозможными коробками. - Вы подписали?

- Нет, - и не думаю расставаться со своим сюрпризом, крепче сжимая его в руке. - Я вручу лично.

- Простите, - она смущается, явно неверно истолковав мое желание. Наверняка считает, что у нас роман, и не решается спорить, провожая меня к столику. - Вы ведь Елизавета Волкова, верно? Не сразу вас узнала, в костюме вы выглядите немного иначе. Вам сюда.

Сидеть мне предстоит с молодым человеком, словно и не заметившим, что я опустилась на стул, случайно задев его локоть, и еще тремя людьми, явно опаздывающими, ведь на часах уже начало восьмого. Немного жутко от вида молчаливого соседа, что-то выискивающего в своем смартфоне, и сейчас идея прийти сюда кажется мне безумной. О чем с ним говорить?

- Прекрасное место, неправда ли? - делаю первую попытку хоть как-то скрасить начавшийся вечер, но тут же жалею о своей несдержанности, заметив недоумевающий взгляд обращенных ко мне глаз.

- Не знаю, - мужчина не уделяет мне и секунды, уже возвращаясь к просмотру ленты. - Наверное. Хотя, по-моему, полная безвкусица.

- Почему? - поражаюсь его оценке, пребывая в восторге от атмосферы этого заведения. Свет приглушен, стены обложены декоративным кирпичом, выкрашенным в цвет слоновой кости, то тут, то там развешаны пестрые пейзажи, а на столах кипельно белые скатерти, с композициями из живых цветов в центре. Я уж точно никогда прежде не бывала в таких ресторанах...

- Я об оформлении. Не знаю, кто занимался подготовкой, но не думаю, что Слава придет в восторг от устроенной здесь оранжереи, - и сам того не подозревая, собеседник бьет по моему самолюбию.

Я вложила в организацию душу, тратила свои выходные на просмотр каталогов, подборку ивент-агентства и составление меню! Недовольно приподнимаю бровь, мечтая убить его своим взглядом, и больше не стремлюсь завязать диалог. К черту этого социопата - не нужно быть человеком большого ума, чтобы понять, насколько ему неприятны гости, о чем-то оживленно болтающие на своих местах, и я, с чего-то вознамерившаяся перекинуться с ним парой фраз. Недаром же он брезгливо морщится, когда смех за соседним столом становится громче.

Проходит еще минут десять, за которые я успеваю раз двадцать отругать себя за самонадеянность - есть мир, в который не так-то просто попасть, а стать своей в этом болоте пресытившихся благами акул и вовсе не выполнимая задача.

- Пришла? - самодовольно улыбнувшись, Лисицкий садится рядом, предварительно пожав руку угрюмому очкарику, все так же вычитывающему что-то на просторах интернета. Никаких дружеских объятий, поздравлений и даже мимолетной улыбки на лице этого парня - полнейшее отсутствие эмоций.

- Как видите.

- Сегодня на «ты», ладно? Забудь, что я плачу тебе зарплату, и лучше вспомни того, кто когда-то испортил твою туфлю, - подозвав официанта, именинник просит наполнить свой бокал.

Сейчас он выглядит иначе - пиджак повесил на спинку стула, галстука нет и в помине, а верхние пуховки рубашки небрежно расстегнуты, приоткрывая ямочку на шее. Обычный человек, изрядно уставший за день и сейчас вознамерившийся отдохнуть от назойливых мыслей о бизнесе.

- Успели уже познакомиться? - Слава обращается не ко мне, но вряд ли даже к утру добьется хоть какой-то реакции от своего товарища.

- Нет. Я стараюсь не отвлекать вашего друга, уж очень он поглощен отслеживанием лайков под своими фото, - все-таки делаю первый глоток и стараюсь говорить тише, не упуская возможности отомстить обидчику за мои разнесенные в пух и прах старания. - Лучше, напишите ему, так он быстрее заметит, что вы непрочь поболтать.

- Ты неисправима. Думал, на тебя так кабинет действует, а ты даже вне работы постоянно язвишь, - мужчина смеется, приподнимая свой бокал. - Произнесешь тост?

- Вот еще, - чокаюсь с боссом, теперь чувствуя себя куда лучше, с его появлением совершенно расслабившись.

Есть в нем что-то необъяснимое, что позволяет отвлечься - то ли непринужденная манера общения, то ли эти глаза, словно выпивающие тебя до дна, то ли аромат морского бриза, смешавшийся с еле уловимым запахом роз, украшающих стол. А может быть, дело в шампанском, незаметно ударившем в голову.

- Здесь и без меня много желающих высказаться. Но подарок я все же купила. Учла твои пожелания, - переступаю через себя, выполняя просьбу оставить официальное обращение за дверью офиса, и стараюсь не улыбаться, наблюдая за нетерпеливыми мужскими пальцами, расправляющимися с оберткой.

- С собакой? - прижав к груди дешевый блокнот, больше подходящий школьнику, Лисицкий и не думает расстраиваться, в то время как его неразговорчивый знакомый брезгливо морщится, уже успев изучить обложку. - Сойдемся на пирожных?

- Без проблем. Хотя, как по мне, он премиленький, - отзываюсь, теперь разглядывая оживившихся гостей, и случайно замечаю мужчину, повернутого ко мне спиной. Не нахожу в нем

ничего особенного, но уже точно знаю, что что-то изменится безвозвратно в ту самую секунду, когда я смогу разглядеть его лицо...

Глава 8

Игорь

Я до сих пор не привык к тому, что отцовский кабинет встречает меня холодной пустотой, от которой вниз по позвоночнику ползут мурашки. Я настоял сохранить это место таким, каким в последний раз видел его отец: на столе раскрытая папка с документами, шариковая ручка небрежно брошена поверх газеты, лампа чуть сдвинута в сторону, опасно приблизившись к краю. И этот его свитер (черный, с отложным воротником и тремя огромными пуговицами на груди), в котором он усаживался в любимое кресло и читал Питера Блэтти - все так же висит на спинке стула, словно он скинул его пару минут назад. Пять месяцев прошло, а я не могу перестать ловить себя на этом глупом занятии - стою у окна и то и дело бросаю взгляды на дверь, вдруг зайдет?

- Ты еще не одет? - как всегда невозмутимая и уверенная в собственной неотразимости Эвелина заглядывает в приоткрытую дверь, так и не решаясь зайти. Постукивает пальцами по дорогому дереву и, не отводя глаз от моего лица, ждет очевидного ответа. На мне спортивные треники и мятая майка, разве я похожу на того, кто через минуту прыгнет в машину и помчится на шумную вечеринку?

И не думаю подавать голос, проходя мимо, и демонстративно закрываю дверь, не считая ее достойной притрагиваться хоть к одной вещи, когда-то принадлежащей отцу. Мы в состоянии затянувшегося противостояния - я виню ее в том, что у шестидесятилетнего мужика, ежегодно проходящего обследование в лучших клиниках страны, так внезапно отказало сердце, после очередного скандала со взбалмошной супругой, а она никак не может мне простить, что я ограничил ее в финансах. Хотела популярности, всякий раз забывая о собственной семье? Валяй, пожимай плоды: нагрузи себя съемками в третьесортных сериалах и самостоятельно оплачивай собственные прихоти.

Я быстро поднимаюсь в спальню, на ходу избавляясь от пропахшейся потом одежды, и не могу не улыбнуться, когда моего голого торса касаются маленькие женские ладошки.

- Какой ты здоровяк, - целуя мою спину, Яна урчит, как кошка, с жадностью вдыхая мой запах.

- Я только что из спортзала. Не думаю, что сейчас самое время меня нюхать, - смеюсь, бросая под ноги влажную майку, и разворачиваюсь к женщине, чьи глаза уже сияют каким-то нездоровым блеском...

Свободная, легкая, как летний ветерок и совершенно необузданная натура, сумевшая вернуть меня к жизни после потери самого дорогого человека.

- По-моему, меня это только заводит, - игриво проведя ногтем дорожку по моему прессу к резинке штанов, она закусывает губу, и опускает свой взгляд ниже. - Лисицкий ведь не обидится, если мы немножко опоздаем?

Я и не думаю протестовать, покорно подчиняясь настойчивым рукам, уже толкающим меня в грудь, и завалившись на кровать, позволяю ей делать все, о чем она мечтала на протяжении месяца.

***

Я никогда не считал себя романтиком. Не отличался стабильностью в выборе партнерш и если быть честным, вряд ли хоть одна из моих бывших сумела сохранить обо мне приятные воспоминания. Уж такова моя натура - постоянство не мой конек. К двадцати восьми не одного романа, продлившегося хотя бы неделю, и отсутствие малейшего представления о том, как, вообще, люди создают семьи. Не было у меня примера перед глазами: у мамы постоянные репетиции, у отца сумасшедший график, в который не всегда умещалось время на полноцен-

ный сон. Разве что с возрастом, он стал гуманней относиться к собственному здоровью, взяв за правило проводить выходные в загородном доме.

Так что к моменту, когда в моей жизни появилась Яна, я был пропащим, беспросветным гулякой, сохраняющим серьезность разве что только в офисе. Я сразу ее заметил - яркая барменша в одном из баров, где мы со Славой частенько бывали, игриво улыбалась клиентам, замешивая очередной коктейль. Она плавно покачивала бедрами в такт громыхающей музыке, и всякий раз кокетливо опускала ресницы, стоило подпившему гостю что-то шепнуть ей на ушко. Не знаю, что именно меня привлекло, да и если быть честным, даже не стал над этим размышлять, в тот же вечер перейдя в наступление. Следующим утром покидал гостиничный номер с самодовольной ухмылкой на губах, не подозревая, что это вовсе не я одержал верх над длинноногой брюнеткой. Она взяла меня в плен, за одну ночь что-то перевернув в моей голове, и с тех самых пор ни о ком другом я даже думать не могу.

- Я не размазала помаду? - взглянув на себя в зеркало заднего вида, Яна приоткрывает рот, поправляя пальцем макияж, а я уже забываю о времени, впервые готовый наплевать на праздник друга. Месяц, что прошел вдали от нее, стал испытанием - сколько бы ночей мы ни провели вместе с тех пор, как я вернулся в Столицу, мне всегда мало. Мало ее поцелуев, мало ее объятий, ее тела, ласк, и голоса...

- Эй! Не смотри так! - пихая меня в плечо, она дарит мне свою улыбку, немного склонив голову набок. - Тебе стоит провериться - аппетит у тебя неуемный. А в твои россказни о хранимой мне верности я ни за что не поверю.

Быстро целует меня в губы и уже выходит из машины, вышагивая, словно под ногами не припорошенный снегом асфальт, а подиум лучшего дома моды:

- Поторопился бы ты, - кричит, не поворачиваясь, пока я не спеша плетусь следом, любуясь красотой ее тела. - А то еще уведут прямо у тебя из-под носа.

Вряд ли. Это последнее, что может с нами случиться, ведь я впервые настроен серьезно никогда не отпускать из своей жизни женщину, которой вряд ли сумею насытиться. По привычке прячу руку в кармане брюк и сжимаю бархатный футляр, намеренный как можно скорее вручить его законной владелице...

***

- Ну, здорово, старик! - бью Славку по плечу, и жму протяную ладонь, крепко обнимая единственного друга. Что-то желаю ему, скорее для проформы, ведь он и так прекрасно знает, что я считаю его едва ли не братом, счастье которого для меня так же важно, как свое собственное, и помогаю Яне устроиться на ее месте. Бегло обвожу взглядом стол, не слишком-то обрадовавшись соседству с одногруппником Лисицкого: скользкий тип, постоянно молчит, а если и решается заговорить, то чаще всего бросает что-то несвязное...

- Здравствуйте, - я только сейчас замечаю бледную девушку, напряженно вцепившуюся пальцами в столешницу, и вновь возвращаюсь к имениннику. - Надеюсь, горячее еще не подавали?

- А ты разве не наелся? - не смущаясь присутствия посторонних, шепчет мне на ухо девушка, слегка прикусывая мочку уха, и льнет к руке, устраивая свой подбородок на моем плече. Скромность ей незнакома.

- Нет, вы как раз вовремя. Подарок принес? - друг и не думает дожидаться появления официанта, собственноручно наполняя наши пустые бокалы. - Тебе шампанское?

Яна кивает, скучающим взглядом обводя сотню незнакомцев, заполнивших зал и останавливается на Славиной спутнице, с момента нашего появления, так и не проронившей ни слова.

- Ужасно, да? Сборище напыщенных индюков, - обращается к миловидной брюнетке, стараясь говорить как можно тише. - Я до жути не люблю такие праздники.

- Вообще-то, я все слышу, - Лисицкий считает своим долгом заступиться за приглашенных и только сейчас опомнившись, решается нас познакомить. - Это Лиза. Моя ассистентка.

- Ассистентка? - я не могу сдержать удивления, прерывая товарища.

- Слово «секретарь» у нас под запретом. Ее красный диплом не позволяет мне называть вещи своими именами. Лиза, - Славка улыбается, привлекая ее внимание, - а это мой друг Игорь.

Теперь Лиза качает головой, словно пытается стряхнуть с себя внезапно напавшую дремоту, и приветливо улыбнувшись, глядит на меня из-под ресниц. Странное чувство, что я где-то видел прежде эти серые глаза, вьющиеся волосы, немного курносый нос, овладевает мной на долю секунду, но мелодичный тембр Соловьевой уже вырывает меня из раздумий:

- Я Яна. Видимо, Слава слишком много выпил, и ждать, что он, наконец, представит меня, можно до самого утра.

- Очень приятно, - стандартный набор слов, и очередное дежавю - этот голос я уже слышал...

Лиза

Мое глупое непослушное сердце сейчас выпрыгнет на тарелку. Не могу есть, всерьез опасаясь, что обязательно подавлюсь кусочком мяса, несмотря на старания повара, не сумевшим пробудить во мне аппетит, и не могу не смотреть на того, о ком когда-то грезила вечерами. Я засыпала, прижимая к груди его конспекты, оплакивала свою неразделенную любовь, находя спасение лишь в учебе, все эти годы бережно хранила в душе воспоминания о наших редких встречах, а он даже не узнал во мне ту, что когда-то так нелепо рыдала в его машине! Боже, я как последняя дура обнажила перед ним душу! Так, может, это и к лучшему? Разойдемся, как в море корабли, больше не встретившись в этом огромном городе, и мне не придется краснеть, за совершенную когда-то ошибку.

- Ты москвичка? - его болтливая спутница выдергивает меня из пучины самобичевания, уже расправившись с горячим. Посылает обворожительную улыбку угрюмому молчуну и просит его поменяться местами, чтобы присесть ко мне поближе. Видимо, устала слушать разговоры мужчин, и теперь вынуждена довольствоваться моим обществом.

- Нет. Осталась здесь после окончания вуза.

- Я тоже неместная. Приехала в прошлом году покорять Столицу.

- И как? Успешно? - стараюсь быть милой, хотя с большим удовольствием предпочла бы отправиться домой. Подальше от прошлого, о котором предпочитаю забыть. Если четыре года назад Гоша разбил мое сердце, то сейчас он сделал кое-что пострашнее - вконец уничтожил мое самолюбие, доказав, что я не вхожу в число тех женщин, которых пусть и не любят, но хотя бы не забывают. И я пока не решаюсь ответить, что ранило меня больше...

- Нет, - смеется, бегло взглянув на Громова, и шепотом добавляет. - Зато покорила его. А это уже неплохое начало. А у вас с Лисицким серьезно?

- Что? - я давлюсь шампанским, и теперь судорожно хватаю воздух, ощущая, как пузырьки напитка неприятно щекочут нос. - Мы просто работаем вместе.

- Конечно, - заговорщецки подмигивает, словно мы объединены общей тайной. - Не мое дело. Но лучше сразу все проясним, на мою территорию не лезь.

Яна продолжает любезно улыбаться, даже снимает пылинку с моего плеча, словно мы добрые приятельницы, и это не она только что огорошила меня странным предупреждением, не предвещающим мне ничего хорошего, если вы успели заметить, насколько острые ногти у этой дамы.

- Без обид, ладно? Просто я сразу заметила, как ты на него смотришь. Красив, я все понимаю, но делиться не люблю.

- Я... - не знаю, что и сказать, растерянно хлопая глазами.

- Да ладно. Не оправдывайся, ты не первая, кто так реагирует на Громова. Просто не хочу, чтобы это стояло между нами. Лучше к Славке присмотрись, он, кажется, непрочь, чтобы ваши отношения перестали быть деловыми, - девушка делает небольшой глоток игристого вина, и посылает воздушный поцелуй своему мужчине.

- Все не так. Просто мы пересекались с ним в университете и...

- Правда? - обрывает меня на полуслове, облегченно выдохнув. - Игорь, почему не сказал, что знаком с помощницей Славы?

Теперь мне хочется убежать, чтобы не чувствовать на себе этих вопрошающих взглядов и явного удивления на лице моего виртуального друга. Надеюсь, что у меня получается вполне естественно улыбнуться Громову, и прежде чем он бросит свое «разве?» беспечно пояснить:

- Лиза Волкова. Человек-копчик и самая странная лжефанатка твоей мамы...

- Он вас узнал?

- Не сразу, - тру висок, чувствуя, как начинает болеть голова. - Какая разница? Нам не хватит эфира, если сейчас мы начнем останавливаться на всех подробностях моей жизни. Нельзя ли сразу перейти к сути проблемы?

Я завожусь. Терпеть не могу, когда заставляют топтаться на одном месте, и почему-то сейчас вспоминаю, что именно из-за этого не раз выводила из себя Лисицкого. Требовала поскорее завалить меня делами, уверенная, что мне под силу любое его поручение, лишь бы не сидеть в душной приемной.

- Оставим все эти сантименты? Потому что лично для меня, это уже не имеет никого значения. Узнал или нет, факт налицо, - перебираю в воздухе пальцами, демонстрируя обручальное кольцо, которое давно переодела на левую руку.

- Я думаю, всем бы хотелось знать, как все начиналось, - все-таки не собирается сдаваться Филипп, явно не придя в восторг от моей вспышки.

- Начало не так важно, важен конец.

- И тем не менее мы хотим докопаться до сути. В чем причина разрыва и что вы такого сделали, что ваш супруг усилил охрану у собственного дома?

- Я? - мой голос срывается, и я уже чувствую, как непрошенные слезы все же стекают по щекам. Против моей воли, ведь я поклялась самой себе, никогда больше не доставлять удовольствия Громову подобным зрелищем.

- Я его любила. Любила так, что забывала о себе. Дала ему понять, что никуда не денусь, но внезапно решила нарушить правила. За это он отобрал моих детей! Девочек, которым неделю назад исполнился год! Только я не видела, как они задували свечи, как разворачивали подарки и... я даже не знаю, сделали ли они первые шаги и кого теперь зовут мамой! Таню? Или, может быть, мой муж уже давно закрутил интрижку с кем-то другим. Вот что для меня важно! Я пришла не для того, чтобы утирать платком слезы из-за потери мужчины, который на самом деле того не стоит. Я пришла за помощью, потому что понятия не имею, куда он увез дочерей, и как долго его юрист будет затягивать процесс, тем самым отдаляя мою встречу с ними. А что важно вам? - смотрю на скучающих зрителей, немного оживившихся при звуках моего сломленного голоса. - Важно, как скоро он меня заметил? Вам это нужно, чтобы я рассказала, как сумела его влюбить? Никак, ясно? Мой супруг любил лишь одну женщину, и, к моему несчастью, ею была не я.

- Лиза, послушайте, - Смирнов подходит ко мне, и присев у моих ног, берет мои трясущиеся ладони в свои. - Я не хочу вас мучить. В этой студии побывали сотни людей, рассказывали сотни историй, и я прекрасно понимаю, насколько это тяжело. Вы не первая мать, оторванная от детей, и, к сожалению, в наше время не редкость, когда богатый успешный мужчина так жестоко сводит счеты с супругой. Я осознаю, насколько тяжело вам, как матери.

- Тогда перестаньте копаться... - утираю щеку протянутой мне салфеткой и приоткрываю губы, выпуская воздух из легких.

- Это шоу, - шепчет, впервые взглянув на меня без притворства, хоть и не может не понимать, что камеры пишут происходящее, не оставляя нам шанса остаться незамеченными. Понимаю, что он рад бы свернуть это действо, но требования к передаче никто не отменял.

Я бросаю свой взгляд ему за спину, замечая, как напрягся Слава, что не сводит с меня глаз, явно борясь с желанием схватить и увести подальше от жадной до скандалов толпы, снимаю последнюю слезинку с ресниц и, приподняв подбородок, сдаюсь:

- Ладно. Хотите слушать? Пожалуйста. Только не ждите, что моя история будет романтич

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.